Прощай, оружие!

Автор:
Эрнест Хемингуэй

Прощай, оружие!

Эрнест Миллер Хемингуэй

По ком звонят колокола

Роман, прославивший Эрнеста Хемингуэя…

Первая – и лучшая! – книга «потерянного поколения» англоязычной литературы о Первой мировой…

Книга о войне, на которой наивные мальчишки становились «пушечным мясом» – и либо гибли, либо ожесточались до предела.

О войне, где любовь – лишь краткий миг покоя, не имеющий ни прошлого, ни будущего…

Эрнест Хемингуэй

Прощай, оружие!

Ernest Hemingway

A Farewell to Arms

© Hemingway Foreign Rights Trust, 1929

© Перевод. С. Таск, 2015

© Издание на русском языке AST Publishers, 2018

Впервые опубликовано издательством Scribner, a division of Simon & Schuster Inc.

* * *

Книга первая

Глава первая

В тот год, поздним летом, мы жили в деревенском доме, откуда открывался вид на горы, отделенные рекой и равниной. Вдоль русла валялись высушенные, выбеленные солнцем голыши и булыжники, а по протокам быстро неслась прозрачно-голубая вода. По дороге мимо дома шли войска, и поднятая ими пыль оседала на кронах деревьев и на стволах, а листья в тот год опали рано. Мы видели, как шагают по дороге солдаты, поднимая пыль, и как падают листья под порывом ветра, но вот солдаты уходили, и оставалась пустая, выбеленная дорога, если не считать опавшей листвы.

Равнина утопала во фруктовых садах, а за ней коричневели голые горы. В горах шли бои, и по ночам можно было видеть артиллерийские вспышки. В темноте это походило на летнюю зарницу, но ночи стояли прохладные, никаких признаков надвигающейся грозы.

Иногда в темноте мы слышали под окнами мерный топот и гул тягачей, волокущих артиллерийские орудия. По ночам движение возрастало: шли мулы с вьючными седлами, а по бокам у них болтались коробки с боеприпасами, серые грузовики везли людей, за ними тянулись другие – с ящиками снарядов,

накрытых брезентом. Случалось, что и днем тягачи провозили тяжелые орудия со стволами, прикрытыми зелеными ветками и вьющимися растениями. На севере просматривалась долина, за ней каштановая роща и еще одна гора по эту сторону реки. За гору тоже шли бои, но безуспешные; осенью зарядили дожди, листва с каштанов облетела, мокрые стволы почернели. Виноградники тоже поредели и оголились, и сама деревенская округа вымокла, порыжела и увяла вместе с осенью. Над речкой повисли туманы, а над горой облака, из-под колес грузовиков разлеталась жидкая грязь, и солдаты топали по дороге в промокших грязных накидках, оттопыренных на животе из-за двух пристегнутых к ремню кожаных патронташей, набитых под завязку узкими длинными патронами калибра шесть с половиной миллиметра, так что казалось, будто они на шестом месяце.

На огромной скорости, разбрызгивая больше грязи, чем тягачи, проносились серые легковые автомобили; впереди, рядом с водителем, обычно сидел офицер и еще несколько на заднем сиденье. Если сзади между двух генералов обнаруживался офицерик такого росточка, что можно было разглядеть лишь верх его фуражки да узкую спину, и при этом автомобиль мчался особенно быстро, то это скорее всего был король. Он жил в Удине и почти каждый день проезжал мимо, чтобы посмотреть, как идут дела, а дела шли хуже некуда.

С наступлением зимы зарядили дожди, а с ними пришла холера. Но ее взяли под контроль, так что в результате от нее умерли только семь тысяч военнослужащих.

Глава вторая

Следующий год принес много побед. Мы отбили гору, что за долиной, и холм с каштановой рощей, и были победы в южном направлении, на плато за равниной, а в августе мы форсировали реку и поселились в Гориции, в доме с фонтаном и мощными тенистыми деревьями в саду за каменной стеной и пурпурными побегами глицинии на боковине самого дома. Теперь бои шли в ближних горах, меньше чем в миле от нас. Городок был чудесный и дом прекрасный. Река осталась сзади, город достался нам как на блюдечке, а вот горы взять не удалось, и оставалось только радоваться тому, что австрийцы, судя по всему, намеревались когда-нибудь, если война закончится, вернуться в городок, так

как они не старались его разрушить с помощью своей артиллерии, а наносили, с военной точки зрения, минимальный урон. Жизнь продолжалась, с военными госпиталями и кафешками, с тяжелыми орудиями в переулках и двумя борделями, для офицеров и для солдат, кончилось лето, ночи стали прохладнее, в горах шли бои, железнодорожный мост получил отметины от снарядов, тоннель возле реки разрушили во время сражения, зато стояли нетронутыми деревья по периметру площади и на ведущей к ней длинной аллее; это, вкупе с приехавшими в город девочками и проезжающим неспешно в автомобиле королем, чье лицо с седой бородкой, похожей на клок волос на том же месте у козла, теперь можно было порой разглядеть помимо тщедушного тельца с вытянутой шеей; все это, вместе с неожиданно открывшимися интерьерами домов, потерявших одну стену после прямых попаданий, и груд обломков кирпичей и штукатурки в прилегающем садике, а то и на улице, и удачным наступлением на гору Карсо, делало осень столь непохожей на прошлогоднюю, когда мы жили в деревне. Изменился и ход войны.

От дубовой рощи на горе осталось одно воспоминание. Летом, когда мы вошли в город, она стояла зеленая, а сейчас лишь пни, да обрубки стволов, да вывороченная земля, и как-то в конце осени я оказался на месте бывшей рощи и увидел наплывающее облако. Оно двигалось очень быстро, и солнце потускнело, и все сделалось серым, небо заволокло, облако накрыло гору, и вот уже всюду снег. Его косило ветром, он покрывал голую землю и торчащие пни, снег лежал на орудиях и заметал дорожку, что вела к сортиру позади траншей.

Позже, уже в городе, я наблюдал за падающим снегом из окна борделя для офицеров, где мы с приятелем распивали бутылку асти, и, глядя на обильный снегопад, понимали, что военная кампания этого года закончилась. Горы так и не взяли – ни в верховьях реки, ни за ней. Эта задача перенеслась на следующий год. Мой приятель увидел, что по улице, старательно обходя грязь, идет полковой священник, с которым мы встречаемся в офицерской столовой, и постучал в окно, чтобы привлечь его внимание. Священник задрал голову, увидел нас и улыбнулся. Мой приятель сделал ему знак – мол, заходите. Священник покачал головой и пошел дальше. Вечером в столовой народ быстро, со знанием дела наворачивал спагетти: кто-то сначала поднимал их на вилке и, лишь оторвав от тарелки, отправлял по назначению, другие одним движением всасывали в рот, запивая вином из четырехлитровой плетеной фляги. Фляга раскачивалась в железной люльке, ты наклонял ее указательным пальцем, и отличное прозрачное вино красного дубильного цвета выливалось в стакан, который надо было держать в той же руке. А после спагетти капитан начал подтрунивать над священником.

Молодой священник, красневший, как девица, был в такой же, как у всех, военной форме, только над левым нагрудным карманом серого френча болтался темно-красный бархатный крестик. Капитан в расчете на меня, чтобы я все понял и ни одна шутка не пропала даром, перешел на ломаный итальянский.

– Сегодня святой отец с девочки, – сказал капитан, переводя взгляд со священника на меня. Священник покраснел и с улыбкой покачал головой. Ему часто доставалось от капитана.

– Не так? – удивился капитан. – Сегодня я видеть святой отец с девочки.

– Нет, – ответил священник. Офицеры тащились от этих наездов.

– Святой отец без девочка, – продолжал капитан. – Совсем без девочка, – пояснил он для меня. Потом взял мой стакан и стал подливать, при этом не сводя с меня глаз, но и не выпуская из виду священника.

– Святой отец каждую ночь пять девочки. – За столом все засмеялись. – Вы поняли? – Святой отец каждую ночь пять девочки. – Он показал пятерню и расхохотался. Священник отнесся к этому как к шутке.

– Папа римский хочет, чтобы австрийцы выиграли войну, – сказал майор. – Ему нравится Франц-Иосиф. Вот от кого идут денежки. Я – атеист.

– Вы «Черную свинью» читали? – спросил лейтенант. – Я вам достану. Эта книга пошатнула мою веру.

– Грязная и подлая, – ответил священник. – Она не могла вам понравиться.

– Очень ценная книга, – возразил лейтенант. – Она рассказывает о церковниках. Вам понравится, – обратился он ко мне.

Мы со священником обменялись улыбками, нас разделяла горящая свеча.

– Не читайте, – сказал он.

– Я вам ее достану, – настаивал лейтенант.

– Все мыслящие люди атеисты, – заметил майор. – В масонов я тоже не верю.

– Я верю в масонов, – заявил лейтенант. – Достойная организация.

Кто-то вошел в столовую, и через открытую дверь я увидел, что валит снег.

– Из-за снегопадов о наступлении придется забыть, – сказал я.

– Само собой, – отозвался майор. – Берите отпуск. Посмотрите Рим, Неаполь, Сицилию…

– Пусть съездит в Амальфи, – предложил лейтенант. – Там живет моя семья. Я вам напишу рекомендательное письмо. Они вас примут как сына.

– Пусть едет в Палермо.

– На Капри.

– Почему бы вам не заглянуть в Абруцци и к моей семье в Капракотте, – сказал священник.

– Абруцци, скажете тоже. Да там снега больше, чем здесь. Что он, крестьян не видел? Пусть посмотрит центры культуры и цивилизации.

– Ему нужны хорошие девочки. Я вам дам адреса в Неаполе. Юные красотки… а при них мамочки. Ха-ха-ха!

Капитан выставил пятерню большим пальцем вверх, как это делают, демонстрируя игру теней на стене. Он снова заговорил на ломаном итальянском.

– Уезжать таким, – он показал на большой палец, – а назад таким, – он потрогал свой мизинец.

Все засмеялись.

– Смотрите, – продолжил капитан. Он снова растопырил пятерню. И снова горящая свеча показала ее тень на стене. Он стал называть пальцы, начиная с большого: – Soto tenente, tenente, capitano, maggiore, tenente colonello[1 - Младший лейтенант, лейтенант, капитан, майор, подполковник (итал.).]. Вы уезжать soto tenente! А возвращаться tenente colonello!

Общий хохот. Игра на пальцах имела большой успех. Капитан крикнул, глядя на священника:

– Святой отец каждую ночь пять девочки!

Все снова засмеялись.

– Поезжайте прямо сейчас, – сказал майор.

– Я бы поехал с вами и все вам показал, – подхватил лейтенант.

– Привезите фонограф.

– Привезите хороших оперных пластинок.

– Карузо.

– Не надо Карузо. Он вопит.

– Тебе бы так.

– А я говорю вопит!

– Почему бы вам не заглянуть в Абруцци, – повторил священник сквозь разноголосицу. – Там хорошая охота. Люди вам понравятся. Там холодно, зато ясно и сухо. Вас примут в моем доме. Мой отец – заядлый охотник.

– Пошли, – сказал капитан. – Идти в бордель, пока не закрылся.

– Спокойной ночи, – пожелал я священнику.

– Спокойной ночи, – ответил он.

Глава третья

Когда я вернулся из отпуска, мы по-прежнему стояли в этом городке. Окрестности заполонили тяжелые орудия. Была весна, зеленели поля, на виноградной лозе появились новые побеги, а на придорожных деревьях листочки, и с моря веял легкий бриз. Я увидел городок и старый замок на холме, и вдали горы, буроватые горы с зелеными проплешинами на склонах. В городке появилось больше орудий и новые госпитали, на улицах встречались англичане, в том числе женщины, еще какие-то дома пострадали от артобстрела. Было по-весеннему тепло, и, пройдя по аллее, обсаженной деревьями, вобравшими тепло нагретых солнцем кирпичных стен, я обнаружил, что мы живем в том же доме и что он нисколько не изменился за время моего отсутствия. Дверь была нараспашку, на скамейке сидел солдат, греясь на солнце, у бокового входа стояла «санитарка», и, когда я вошел, повеяло запахами мраморной плитки и больницы. Все как всегда, только на дворе весна. Я заглянул в большую комнату, залитую солнцем сквозь открытое окно. За столом сидел майор, он меня не видел, и я замешкался: то ли войти и доложить, то ли сначала подняться наверх и привести себя в порядок. Я решил подняться наверх.

Комната, которую я делил с лейтенантом Ринальди, была с видом во двор. Окно нараспашку, моя кровать застлана одеялом, на стене висят мои вещи и на одном крючке противогаз в продолговатой жестяной коробке и стальная каска. В изножье кровати, на плоском сундучке, мои зимние кожаные ботинки, блестящие от жира. На стене моя австрийская снайперская винтовка с восьмигранным стволом из вороненой стали и удобным прикладом из красивого темного грецкого ореха. Оптический прицел к ней, помнится, заперт в сундучке. Лейтенант Ринальди спал на своей кровати. Услышав шаги, он проснулся и сел на постели.

– Ciao! – сказал он. – Как провел время?

– Лучше не бывает.

Мы обменялись рукопожатием, он за шею привлек меня к себе и поцеловал.

– Уф, – вздохнул я.

– Ты грязный, – сказал он. – Тебе надо помыться. Где был, что делал? Ну-ка, выкладывай.

– Где я только не был. Милан, Флоренция, Рим, Неаполь, Вилла Сан-Джованни, Мессина, Таормина…

– Звучит как расписание поездов. А красивые приключения?

– Да.

– Где?

– Милан, Флоренция, Рим, Неаполь…

– Довольно. Расскажи о самом лучшем.

– В Милане.

– Это потому что ты с него начал. Где ты с ней познакомился? В замке Кова? Куда вы пошли? Как это было? Рассказывай как на духу. Ты с ней провел ночь?

– Да.

– Забудь. У нас теперь такие красотки. Первый раз на фронте.

– Здорово.

– Не веришь? Вечером пойдем и сам увидишь. А еще в городе появились шикарные англичанки. Я влюблен в мисс Баркли. Я вас познакомлю. Я, наверно, женюсь на мисс Баркли.

– Мне надо умыться и доложить о прибытии. Кто-нибудь вообще работает?

– У нас тут сплошной лазарет: обморожения, желтуха, триппер, членовредительство, пневмония и шанкры, твердые и мягкие. Иногда на кого-нибудь падает кусок скалы. Но бывают ранения и посерьезнее. На следующей неделе военные действия возобновляются. Наверное. Так говорят. Как считаешь, мне следует жениться на мисс Баркли – само собой, после войны?

– Непременно, – ответил я, набирая полный таз воды.

– Вечером ты мне все расскажешь, – сказал Ринальди. – А сейчас я должен поспать, чтобы встретить мисс Баркли свежим и красивым.

Я снял китель и нижнюю рубашку и вымылся холодной водой из таза. Растираясь полотенцем, я осматривался вокруг, поглядывал в окно и на Ринальди, лежавшего на кровати с закрытыми глазами. Он был хорош собой, мой сверстник, родом из Амальфи. Он любил свою профессию хирурга, и мы были хорошими друзьями. Пока я на него смотрел, он открыл глаза.

– У тебя деньги есть?

– Да.

– Одолжи мне пятьдесят лир.

Я обтер руки и достал бумажник из внутреннего кармана висевшего на стене кителя. Ринальди, не приподнимаясь, взял банкноту, сложил ее, сунул в карман бриджей и улыбнулся:

– Я должен произвести на мисс Баркли впечатление человека с достатком. Ты настоящий друг и мой финансовый покровитель.

– Да пошел ты, – сказал я.

Вечером в офицерской столовой я оказался рядом со священником, и он расстроился и даже обиделся, что я так и не побывал в Абруцци. Он написал отцу, что я приеду, и они готовились к встрече. Я расстроился не меньше его и

сам не мог понять, почему туда не съездил. Я ведь хотел поехать и теперь пытался объяснить, как закрутился, и в конце концов он понял, что я действительно хотел поехать, и все более или менее устаканилось. Я пил много вина, а потом кофе с травяным ликером и, подвыпив, объяснял, как у нас не получается делать по задуманному, никогда не получается.

Мы вдвоем разговаривали, пока вокруг шли споры. Я хотел поехать в Абруцци. Но так и не побывал в местах, где промерзшие дороги сродни прокатной стали, где по-настоящему морозно и сухо, и снег сухой и рассыпчатый, а на снегу заячьи следы, и крестьяне снимают шапки и обращаются к тебе «дон», и охота что надо. Я так и не побывал в тех местах, а поехал туда, где допоздна сидишь в прокуренных кафе, а потом комната плывет у тебя перед глазами и, чтобы ее остановить, надо сфокусировать взгляд на стене, и ночью, пьяный, лежишь в постели, понимая, что все закончилось, а утром просыпаешься в радостном недоумении, не соображая, кто лежит рядом, и мир кажется в темноте каким-то нереальным, и это так возбуждает, что хочется в ночи начать все с начала, ничего не знающим и беспечным, понимающим, что все, все, хватит, и тебе уже безразлично. Вчера ты был чем-то сильно озабочен, но вот проснулся поутру, и все это осталось там, а сейчас все так отчетливо, жестко и ясно, а тут еще поцапаешься по поводу цены вопроса. Иной раз все как-то ничего, по-прежнему тепло и полюбовно, впереди завтрак, потом ленч. А в другой раз ни одного теплого слова, и ты рад, что наконец вырвался на улицу, но впереди такой же день и такая же ночь. Я пытался рассказать про ночи и про разницу между ночью и днем, что ночью лучше, разве что день очень ясный и холодный, но этого не объяснишь, как я не могу объяснить это сейчас. Просто ты это знаешь, если сам пережил. Он такого не пережил и все-таки понял, что я действительно хотел поехать в Абруцци, но не доехал, и мы остались друзьями, в чем-то схожими, а в чем-то нет. Он всегда знал что-то такое, чего не знал я, а узнав, легко забывал. Но тогда я этого еще не понимал, до меня это дошло позже. А пока мы все сидели в столовой, трапеза давно закончилась, но споры продолжались. Наш разговор оборвался, и капитан заявил во всеуслышание:

– Святой отец скучать. Он страдать без девочка.

– Я не страдаю, – отозвался священник.

– Святой отец страдает. Он хочет, чтобы войну выиграли австрийцы, – настаивал капитан. Все обратились в слух. Священник покачал головой.

– Нет, – сказал он.

– Святой отец не хочет, чтобы мы шли в атаку. Вы же не хотите, чтобы мы шли в атаку?

– Почему? Раз идет война, наверное, мы должны атаковать.

– Должны и будем!

Священник согласно кивнул.

– Оставьте его в покое, – вмешался майор. – Все нормально.

– Все равно от него ничего не зависит, – сказал капитан. Все встали и вышли из-за стола.

Глава четвертая

Утром меня разбудила батарея в палисаднике по соседству. Уже светило солнце, я встал с кровати и подошел к окну. Гравий на дорожках был влажный и трава мокрая от росы. Батарея дала два залпа, и каждый раз от движения воздуха дрожало оконное стекло, и развевались полы моей пижамы. Орудий я не видел, но стреляли они как раз поверх наших голов. Иметь их под боком удовольствие ниже среднего, но хотя бы не самые большие, и на том спасибо. Пока я высматривал что-то в палисаднике, со стороны дороги затарахтел грузовик. Я оделся, спустился вниз, выпил кофе на кухне и пошел в гараж.

Под длинным навесом выстроились в ряд десять машин. Тяжелые тупоносые санитарные машины, выкрашенные в серый цвет и похожие на мебельные фургоны. Одну во дворе ремонтировали механики. Еще три «санитарки» дежурили в горах возле перевязочных пунктов.

– Эту батарею не обстреливают? – спросил я одного из механиков.

– Нет, синьор лейтенант. Она защищена холмом.

– Как дела вообще?

– Ничего. Эта машина убитая, а остальные на ходу. – Он прервал работу и улыбнулся. – Вы из отпуска?

– Да.

Он с ухмылочкой обтер руки о свитер.

– Хорошо отдохнули?

Остальные тоже заулыбались.

– Неплохо, – сказал я. – А что с ней?

– Убитая. То одно, то другое.

– А сейчас что?

– Старые кольца.

Я оставил их возиться с автомобилем, казавшимся обесчещенным и выпотрошенным, с мотором наружу и разложенными на верстаке запчастями, а сам вошел под навес, чтобы разглядеть машины поближе. Они были относительно чистые: какие-то недавно помыли, другие покрыты пылью. Я проверил, нет ли на покрышках порезов или вмятин от дорожных камней. Вроде в хорошем состоянии. Очевидно, ничего не меняется от того, устраиваю я проверки или нет. Мне представлялось, что состояние автопарка, вне зависимости от доступности запчастей, и налаженная эвакуация больных и раненых в горах из перевязочных в эвакопункт и их дальнейшее распределение по госпиталям, указанным в медицинских картах, во многом зависит от меня. А на деле никакой разницы, что я есть, что меня нет.

– Проблемы с запчастями? – спросил я у механика-сержанта.

– Никаких, синьор лейтенант.

– Где сейчас склад горючего?

– Там же.

– Отлично. – Я вернулся в дом и выпил в столовой еще одну кружку кофе. Кофе был бледно-серого цвета, сладкий от сгущенки. За окном чудесное весеннее утро. В носу появилась сухость, предвещавшая жару. В тот день я объезжал посты в горах и в город вернулся под вечер.

Без меня, кажется, дела шли лучше. Наступление, по слухам, должно было возобновиться. Нашей дивизии предстояло форсировать реку, и во время атаки я должен был по указанию майора проверять посты. Форсирование реки планировалось в узкой горловине с последующим восхождением на гору. Посты следовало устроить максимально близко к реке и замаскировать. В конечном счете подходящие места выберет пехота, ну а мы как бы отвечали за логистику. Тот самый случай, когда у тебя появляется ложное чувство, что ты кем-то руководишь.

Пыльный и грязный, я пошел умыться. Ринальди сидел на своей кровати с английской грамматикой Хьюго. Он был одет с иголочки, в черных ботинках, волосы блестели от бриллиантина.

– Отлично, – сказал он, увидев меня. – Ты пойдешь со мной к мисс Баркли.

– Нет.

– Да. Будь так добр, помоги мне произвести на нее хорошее впечатление.

– Ладно. Подожди, пока я приведу себя в порядок.

– Умойся и иди так.

Я умылся, причесался, и мы пошли к выходу.

– Постой, – сказал Ринальди. – Почему бы нам не выпить. – Он открыл сундучок и достал оттуда бутылку.

– Только не травяной ликер, – сказал я.

– Нет. Граппа.

– Ладно.

Он наполнил два стакана, и мы чокнулись, отставив мизинцы. Граппа была очень крепкая.

– Еще?

– Давай, – кивнул я.

Мы выпили по второму, Ринальди убрал бутылку в сундучок, и мы спустились вниз. После жаркого дня с заходом солнца приятно было прогуляться по городу. Британский госпиталь размещался в большой вилле, построенной немцами перед войной. Мисс Баркли была в саду, а с ней еще одна медсестра. Разглядев между деревьев белые форменные платья, мы направились прямиком туда. Ринальди отсалютовал. Я тоже, но не так лихо.

– Добрый вечер, – поздоровалась мисс Баркли. – Вы ведь не итальянец?

– О нет.

Ринальди разговаривал с другой сестрой, и они над чем-то смеялись.

– Как странно – служить в итальянской армии.

– Это не совсем армия. Медслужба.

– Все равно странно. Что вас побудило?

– Не знаю, – ответил я. – Не все имеет разумные объяснения.

– Вот как? А меня в детстве учили, что все.

– Как это мило.

– Мы и дальше будем разговаривать в таком духе?

– Нет, – сказал я.

– Ну, слава Богу.

– Что это за палка? – поинтересовался я у мисс Баркли.

Высокая загорелая блондинка с серыми глазами, в форменной одежде медсестры. Настоящая красавица. Она держала в руке обтянутую кожей тонкую ротанговую палку, вроде стека для верховой езды.

– Она принадлежала мальчику, которого убили в прошлом году.

– Мне очень жаль.

– Чудный мальчик. Мы должны были пожениться, а его убили на Сомме.

– Та еще бойня.

– Вы там были?

– Нет.

– Я об этом наслышана, – сказала она. – Здесь такой войной не пахнет. Эту палку мне прислали. Его мать переслала. А ей вернули вместе с его вещами.

– И давно вы были обручены?

– Восемь лет. Мы вместе выросли.

– А почему не вышли за него раньше?

– Сама не знаю, – ответила она. – По глупости. Хотя бы это могла ему дать. Но я считала, что ему это не нужно.

– Ясно.

– Вы кого-нибудь любили?

– Нет.

Мы уселись на скамейку, и я остановил на ней взгляд.

– У вас красивые волосы, – сказал я.

– Они вам нравятся?

– Очень.

– Я хотела их обрезать, когда он умер.

– Да ну?

– Хотелось что-то для него сделать. Видите ли, другое меня не волновало, и при желании он мог это заполучить. Он мог заполучить все, что только пожелал бы, если бы я знала. Я бы вышла за него замуж, да все что угодно. Сейчас-то я все понимаю. Но тогда он захотел пойти на войну, а я ничего не понимала.

Я молчал.

– Я ничегошеньки не понимала. Думала, для него будет только хуже. Думала, что он может не выдержать, а потом, как известно, его убили, и на этом все кончилось.

– Ну, не знаю.

– О да, – сказала она. – Все кончено.

Мы оба поглядели на Ринальди, беседовавшего с другой сестрой.

– Как ее зовут?

– Фергюсон. Хелен Фергюсон. Ваш друг врач, не так ли?

– Да. Он очень хороший врач.

– Прекрасно. Хороший врач в прифронтовой полосе – большая редкость. Мы ведь находимся в прифронтовой полосе?

– Да уж.

– Тоже мне фронт, – сказала она. – А вот места красивые. Предстоит наступление?

– Да.

– Придется поработать. Сейчас-то мы без работы.

– Давно вы стали сестрой милосердия?

– С конца пятнадцатого. Одновременно с ним. Помню, у меня была дурацкая идея, что он попадет ко мне в госпиталь. С сабельным ранением и забинтованной головой. Или с простреленным плечом. Что-то живописное.

– У нас живописный фронт, – заметил я.

– Да, – согласилась она. – А вот Франция – это ни у кого не укладывается в голове. Если бы укладывалось, так не могло бы продолжаться. Какое там сабельное ранение. Его разорвало на мелкие кусочки.

Я помалкивал.

– По-вашему, это будет продолжаться бесконечно?

– Нет.

– Что может это остановить?

– Где-то сломается.

– Мы сломаемся. Во Франции мы сломаемся. Нельзя проделывать такие вещи, как на Сомме, и не сломаться.

– Здесь не сломаются.

– Думаете?

– Да. Прошлым летом все получалось.

– Могут и сломаться, – сказала она. – Кто угодно может сломаться.

– Немцы тоже.

– Нет, – возразила она. – Я так не думаю.

Мы подошли к другой паре.

– Вы любите Италию? – спросил Ринальди мисс Фергюсон по-английски.

– Недурственно.

– Не понимать. – Ринальди тряхнул головой.

– Abbastanza bene, – перевел я.

Он неодобрительно покачал головой.

– Не так. Вы любите Англию?

– Не очень. Видите ли, я шотландка.

Ринальди вопросительно уставился на меня.

– Она шотландка, поэтому она любит Шотландию больше, чем Англию, – сказал я по-итальянски.

– Но Шотландия это же Англия.

Я перевел для мисс Фергюсон.

– Pas encore[2 - Еще нет (фр.).], – возразила она.

– Не совсем?

– Совсем нет. Мы не любим англичан.

– Не любить англичан? Не любить мисс Баркли?

– О, это другое дело. Не воспринимайте все так буквально.

Вскоре мы попрощались и ушли. По дороге домой Ринальди сказал:

– Ты нравишься мисс Баркли больше, чем я. Это очевидно. А шотландочка очень даже ничего.

– Даже очень, – согласился я, хотя толком ее не разглядел. – Она тебе нравится?

– Нет, – ответил Ринальди.

Глава пятая

На следующий день я снова наведался к мисс Баркли. В саду ее не было, и я направился к боковому входу, куда подъезжали санитарные машины. Внутри я нашел старшую сестру, которая сообщила, что мисс Баркли на дежурстве.

– Идет война, знаете ли.

Я сказал, что в курсе.

– Вы и есть тот американец, который служит в итальянской армии? – спросила она.

– Да, мэм.

– Как вас угораздило? Почему вы не в нашей части?

– Сам не знаю, – признался я. – А сейчас я могу записаться?

– Боюсь, что нет. Скажите, почему вы пошли в итальянскую армию?

– Я жил в Италии и говорю по-итальянски.

– Вот как, – сказала она. – Я учу итальянский. Красивый язык.

– Кто-то сказал, что его можно выучить за две недели.

– О, только не я. Я его учу уже столько месяцев. Если хотите ее увидеть, приходите после семи. К тому времени она освободится. Только не приводите с собой кучу итальянцев.

– Даже при том, что у них красивый язык?

– Даже при том, что у них красивая форма.

– До свидания, – попрощался я.

– A rivederci, tenente[3 - Прощайте, лейтенант (итал.).].

– A rivederci. – Я отсалютовал и вышел. Стыдоба – салютовать иностранцам, изображая из себя местного. Итальянский салют явно не предназначался на экспорт.

День выдался жаркий. Я побывал на позициях перед мостом возле Плавы в верховье реки. Именно оттуда должно было начаться наступление. Осуществить его в прошлом году не представлялось возможным, так как от укреплений до понтонного моста вела только одна дорога, которая почти на милю простреливалась из пулеметов и пушек. К тому же она была недостаточно широкой, чтобы пропустить весь транспорт, необходимый для наступления, и австрийцы устроили бы настоящую бойню. Но итальянцы перешли через понтонный мост и, рассредоточившись вдоль реки примерно на полторы мили, укрепились на австрийской стороне. Место было крутое, так что зря противник позволил им окопаться. Пожалуй, то была уступка с обеих сторон, поскольку австрийцы по-прежнему удерживали плацдарм ниже по течению. Их траншеи на склоне холма отделяли от итальянских считаные метры. На этом месте раньше был городок, превратившийся в руины. Мало что осталось и от железнодорожной станции, и от разбитого каменного моста, который невозможно было отремонтировать и использовать, так как он был весь на виду.

Я проехал до реки по узкой дороге, оставил машину возле перевязочного пункта у подножия холма, пересек понтонный мост, защищенный от неприятеля выступом горы, и пошел по траншеям на месте разрушенного городка у подножия склона. Все сидели в окопах. Фугасные огнеметы стояли в ряд, готовые в любой момент попросить артиллерийскую подмогу или дать сигнал, что перерезан телефонный провод. Здесь было тихо, жарко и грязно. Я посмотрел сквозь колючку – австрийцев не видать. Я выпил в блиндаже со знакомым капитаном и тем же путем пошел обратно.

Заканчивалось строительство новой широкой дороги, петлявшей в лесу на горе и зигзагами выходившей к мосту, после чего должно было начаться наступление. Идея заключалась в том, чтобы все подвозить по новой дороге, а порожные грузовики, прицепы и загруженные санитарные машины пускать по старой узкоколейке. Перевязочный пункт находился на австрийском берегу, у подножия холма, и санитары таскали носилки с ранеными через понтонный мост. Так же будет и во время наступления. Насколько я мог понять, последний, что-то около мили, участок новой дороги, где она сглаживалась, станет объектом регулярных

артобстрелов со стороны австрийцев. Перспектива пугающая. Но я нашел укромное место для «санитарок», где, миновав опасный участок, они смогут спокойно дожидаться, пока доставят раненых через понтонный мост. Я бы проехал по новой дороге, но она еще не была закончена. На вид широкая и добротно сделанная, под правильным углом, и ее изгибы, проглядывавшие сквозь лесные прогалины на горном склоне, впечатляли. Автомобилям с хорошими тормозами, тем более прибывающим порожняком, ничто не угрожало. Обратно я поехал по узкоколейке.

Меня тормознули два карабинера. Впереди разорвался снаряд, и, пока все ждали, на дорогу упали еще три. Снаряды семьдесят седьмого калибра со свистом пролетали над головой, после яркой вспышки содрогалась земля, и дорогу заволакивал серый дым. Наконец карабинеры дали отмашку, что можно ехать. Объезжая воронки, я вдыхал запахи взрывчатки, обожженной глины и камня и разбросанной кремниевой гальки. Я вернулся в Горицию на нашу виллу, а впереди, как я уже говорил, был визит к отдежурившей мисс Баркли.

Я быстро поужинал и отправился на виллу, где помещался британский госпиталь. Вилла была огромная и красивая, обсаженная прекрасными деревьями. Мисс Баркли сидела в саду на скамейке вместе с мисс Фергюсон. Кажется, они были рады меня видеть. Вскоре мисс Фергюсон извинилась и встала.

– Оставлю вас вдвоем, – сказала она. – Вам и без меня хорошо.

– Хелен, не уходи, – попросила мисс Баркли.

– Мне надо идти. Я должна написать несколько писем.

– Доброй ночи, – сказал я.

– Доброй ночи, мистер Генри.

– Не пишите такого, что могло бы насторожить цензора.

– Можете не беспокоиться. Я только описываю, в каком красивом месте мы живем и как отважны итальянцы.

– Тогда вас представят к награде.

– Это было бы чудесно. Доброй ночи, Кэтрин.

– До скорого, – сказала мисс Баркли.

Мисс Фергюсон скрылась в темноте.

– Она милая, – сказал я.

– Да, очень милая. Она же сестра милосердия.

– А вы?

– Я – нет. Я из ЖДК[4 - ЖДК – женский добровольческий корпус, обслуживающий действующую армию.]. Мы трудимся, не жалея сил, но нам не доверяют.

– Почему?

– Нам не доверяют, пока ничего не происходит. Когда доходит до дела, отношение меняется.

– А в чем разница?

– Медсестра почти врач. Она к этому долго шла. ЖДК – это короткий путь.

– Ясно.

– Итальянцы не подпускают женщин к линии фронта, поэтому у нас особый режим. Мы не выходим.

– По крайней мере я могу приходить сюда.

– Это да. Мы не монахини.

– Забудем про войну.

– Легко сказать. Как ее забудешь?

– Все равно, давайте забудем.

– Договорились.

Мы смотрели друг на друга в темноте. Она была такая красивая, и я взял ее за руку. Она не возражала, и тогда другой рукой я приобнял ее за талию.

– Не надо, – сказала она. Я не убрал руку.

– Почему?

– Не надо, и все.

– Надо, – сказал я. – Пожалуйста.

Я наклонился в темноте, чтобы ее поцеловать, и тут меня словно обожгло. Она влепила мне увесистую пощечину. По носу и по глазам, от чего у меня навернулись слезы.

– Ох, простите.

Кажется, я получил небольшое преимущество.

– Все правильно.

– Мне ужасно неприятно, – сказала она. – Я взвилась от мысли, что это из серии «у медсестры свободный вечер». Я не хотела вас больно ударить. Вам больно? – Она глядела на меня в темноте. Я был зол, но при этом уверен в себе – будущее просчитывалось, как шахматные ходы.

– Вы поступили правильно, – ответил я. – Никаких обид.

– Бедняжка.

– Я веду довольно нелепый образ жизни, практически не говорю на английском, а тут вы, такая красивая. – Я не сводил с нее глаз.

– Не говорите глупости. Я перед вами извинилась. По-моему, мы поладим.

– Да, – сказал я. – И мы убежали от войны.

Она засмеялась. Я первый раз услышал, как она смеется. Ее лицо было прямо передо мной.

– Вы милый, – сказала она.

– Вот уж нет.

– Да. Вы прелесть. Я вас поцелую, если не возражаете.

Я заглянул в ее глаза, приобнял, как прежде, и поцеловал. Я привлек девушку к себе и впился в ее губы, пытаясь их разжать, но безуспешно. Я был все еще зол, и вдруг она задрожала в моих объятьях. Я так прижал ее к себе, что чувствовал биение ее сердца, и тут она разжала губы, прижалась затылком к моей руке и заплакала у меня на плече.

– Ах, дорогой, – сказала она. – Ты ведь будешь паинькой, правда?

Черт знает что, подумал я, гладя ее по волосам и похлопывая по плечу. Она продолжала плакать.

– Будешь, да? – Она подняла глаза. – Нас ждут необычные времена.

Через какое-то время я проводил ее до дверей, и она ушла, а я отправился домой. Я поднялся наверх. Ринальди лежал на своей кровати. Он посмотрел на меня.

– Понемногу охмуряешь мисс Баркли?

– Мы друзья.

– У тебя вид кобелька в период гона.

Я не понял, о чем он.

– В период чего?

Он объяснил.

– Это у тебя, – огрызнулся я, – вид кобелька, готового…

– Хорош, – перебил он меня. – Этак мы можем разругаться. – И сопроводил свои слова смехом.

– Спокойной ночи.

– Спокойной ночи, щенок.

Я подушкой смахнул на пол его свечу и в темноте залез в постель. Ринальди свечу поднял, снова зажег и возобновил чтение.

Глава шестая

Два дня я объезжал посты. Когда вернулся, время было уже позднее, и с мисс Баркли я увиделся лишь на следующий вечер. В саду я ее не застал, и пришлось дожидаться в офисе, пока она спустится. В комнате, используемой под офис, на крашеных деревянных колоннах вдоль стен стояли мраморные бюсты. Бюсты украшали и прихожую. Мрамор делал их все на одно лицо. Скульптура всегда казалась мне скучным делом. Бронза еще туда-сюда, но мрамор напоминает мне о кладбище. Хотя одно кладбище мне понравилось – в Пизе. Ну, а если вы желаете увидеть удручающие мраморные бюсты, идите на генуэзское кладбище. Эта вилла когда-то принадлежала очень богатому немцу, и такая коллекция бюстов должна была ему обойтись в изрядную сумму. Интересно, кто

их изготовил и сколько за них выручили. Я пытался понять, это члены семьи или кто-то еще, но на них на всех лежала печать классицизма, и невозможно было сказать ничего определенного.

Я сел на стул, держа пилотку в руках. Вообще-то мы даже в Гориции должны были носить стальную каску, но она была слишком неудобной и выглядела чертовски театрально в городе, из которого не эвакуировалось гражданское население. Каску я надевал, когда объезжал посты, и еще брал с собой английский противогаз. Мы как раз начали их получать. Это были настоящие респираторы. Нас также обязали носить пистолет, даже врачей и офицеров санитарных частей. Я ощущал его прижатым к спинке стула. Если ты не носил его на видном месте, тебе грозил арест. Ринальди набил кобуру туалетной бумагой. Я носил оружие и чувствовал себя настоящим солдатом, пока не поупражнялся в стрельбе. Это была «Астра» калибра 7,65 с коротким стволом и такой отдачей, что попасть в цель было нереально. Я пробовал подводить прицел под мишень и хоть как-то контролировать скачущий дурацкий ствол, но все, чего я добился, это попадать в метре от мишени, стреляя с двадцати шагов, и тогда, поняв всю бессмысленность ношения оружия, я про него забыл, оно просто болталось у меня на пояснице, и я не испытывал ничего, кроме смутного стыда, при встрече с теми, кто говорил на моем родном языке. Я сидел на стуле под неодобрительными взглядами какого-то дежурного за столом и рассматривал то мраморный пол, то колонны с мраморными бюстами, то фрески на стенах в ожидании мисс Баркли. Фрески были неплохие. Любая фреска хороша, когда она начинает отслаиваться и осыпаться.

Я увидел идущую по коридору Кэтрин Баркли и поднялся. Она не показалась мне высокой, зато ужасно миловидной.

– Добрый вечер, мистер Генри, – сказала она.

– Как поживаете? – спросил я.

Дежурный за столом обратился в слух.

– Сядем здесь или выйдем в сад?

– Давайте выйдем. Там прохладнее.

Я последовал за ней в сад под пристальным взглядом дежурного. Когда мы оказались на гравийной дорожке, она спросила:

– Где ты пропадал?

– Объезжал посты.

– Ты не мог меня известить?

– Нет, – сказал я. – В этом не было смысла. Я полагал, что сразу вернусь.

– Милый, все-таки надо было меня известить.

Мы свернули под деревья. Я взял ее за руки, остановил и поцеловал.

– Мы можем куда-нибудь уйти?

– Нет, – ответила она. – Нам остается только прогуливаться. Тебя так долго не было.

– Всего третий день. Я же вернулся.

Она посмотрела на меня.

– Ты любишь меня, правда?

– Да.

– Ты ведь говорил, что меня любишь?

– Да, – солгал я. – Я люблю тебя. – На самом деле я ей этого не говорил.

– Я для тебя Кэтрин?

– Кэтрин.

Мы немного прошли и остановились под деревом.

– Скажи: «Я вернулся вечером к Кэтрин».

– Я вернулся вечером к Кэтрин.

– Ах, милый, ты правда вернулся?

– Да.

– Я тебя очень люблю, и мне было так тяжело. Ты не уедешь?

– Нет. Я всегда буду возвращаться.

– Я тебя очень люблю. Пожалуйста, снова положи туда руку.

– Я ее не убирал.

Я запрокинул ей голову, чтобы видеть лицо, когда буду ее целовать. Глаза закрыты. Я поцеловал ее в закрытые глаза и подумал, что она, пожалуй, немного того. Пусть даже так. Мне было все равно, во что я влезаю. Все лучше, чем ходить каждый вечер в бордель, где девочки в перерывах между уходами наверх с другими офицерами забираются к тебе на колени и разворачивают головной убор задом наперед в знак особого расположения. Я знал, что не люблю Кэтрин Баркли, и в мыслях такого нет. Это была игра, вроде бриджа, только здесь вместо карт выкладываешь слова. Как в бридже, нужно изображать, что играешь на деньги, и делать ставки. Правда, никто не объяснил, какие здесь ставки. Но мне было все равно.

– Хорошо бы куда-нибудь пойти, – предложил я, испытывая затруднение сродни тому, когда надо стоя долго заниматься любовью.

– Некуда идти, – отозвалась она, вернувшись из какого-то другого мира.

– Можем ненадолго присесть.

Мы сели на каменную скамью. Я держал Кэтрин Баркли за руку, обнять себя она не позволяла.

– Сильно устал?

– Нет.

Она опустила взгляд на траву.

– Некрасивая у нас игра, не правда ли?

– Игра?

– Дурачка из себя изображаешь?

– И не пытаюсь.

– Ты славный парень, – сказала она. – И играешь настолько хорошо, насколько это возможно. Но игра некрасивая.

– Ты всегда читаешь чужие мысли?

– Не всегда. Но твои – да. Зачем притворяться, что ты меня любишь? На сегодня хватит. Может, еще о чем-то хочешь поговорить?

– Но я правда тебя люблю.

– Давай не будем лгать без необходимости. Пожалуйста. Мне показали маленький спектакль, и я его досмотрела. Как видишь, не разозлилась, не вышла из себя. Так, разве что чуть-чуть.

Я сжал ее руку.

– Кэтрин, дорогая…

– Прозвучало забавно – «Кэтрин». Каждый раз у тебя это звучит по-разному. Но ты такой милый. Ты хороший.

– Вот и наш священник так говорит.

– Да, ты хороший. И ты же будешь приходить ко мне?

– Конечно.

– И можешь не говорить, что меня любишь. Оставим это на время. – Она встала и протянула руку: – Спокойной ночи.

Я хотел ее поцеловать.

– Нет, – сказала она. – Я страшно устала.

– И все же поцелуй меня, – попросил я.

– Я очень устала, милый.

– Поцелуй меня.

– Тебе так хочется?

– Да.

Мы стали целоваться, но она вдруг вырвалась.

– Нет. Спокойной ночи, милый.

Мы прошли до дверей, и я проследил за тем, как она ушла по коридору. Мне нравилось смотреть за ее движениями. Она ушла, и я отправился домой. Вечер был душный. В горах разворачивались серьезные дела. На Сан-Габриеле темноту прорезали яркие вспышки.

Перед виллой «Росса» я остановился. За закрытыми ставнями еще кипела жизнь. Кто-то распевал. Я пошел дальше. Ринальди вошел в комнату, когда я раздевался ко сну.

– Ага! – сказал он. – Дела не ахти. Малыш озадачен.

– Ты где был?

– На вилле «Росса». Это было очень поучительно. Все пели. А ты где был?

– Проведывал англичанок.

– Слава Богу, что я не спутался с англичанками.

Глава седьмая

На следующий день я возвращался с первого поста в горах и велел остановить машину перед smistimento[5 - Эвакопункт (итал.).], где рассортировывали раненых и больных согласно направлению в соответствующий госпиталь. Я сидел в машине, пока водитель относил бумаги. День был жаркий, небо пронзительно голубое, дорога белая и пыльная. Я сидел на высоком сиденье «фиата» и ни о чем не думал. Просто глядел на проходивший мимо полк. Все обливались по?том. Некоторые солдаты были в стальных касках, но у большинства они висели поверх скаток. Солдатские каски такие большие, что у многих не видно ушей. Офицеры же в касках подходящего размера. Это была часть бригады Базиликата. Я их узнал по петлицам в красно-белую полоску. За колонной с большим опозданием тянулись отставшие солдаты, не поспевавшие за своими взводами. Мокрые от пота, запыленные, изнемогшие. На некоторых было жалко смотреть. Наконец показался последний солдат, хромоножка. Он остановился и уселся на обочине. Я вышел из машины и направился к нему.

– Что случилось?

Он поглядел на меня и поднялся на ноги.

– Я пошел.

– А в чем проблема?

– В войне, чтоб ее…

– Что у вас с ногой?

– С ногой ничего. У меня грыжа.

– Почему вы не воспользовались транспортом? – спросил я. – Почему не обратились в госпиталь?

– Меня не примут. Лейтенант считает, что я нарочно снял бандаж.

– Дайте я пощупаю.

– Она совсем вылезла.

– С какой стороны?

– Вот тут.

Я ее нащупал и попросил его:

– Покашляйте.

– Как бы она от этого не стала еще больше. Она и так с утра увеличилась в два раза.

– Садитесь в машину, – велел я. – Как только получу документы на раненых, провожу вас в санитарную часть.

– Он скажет, что я нарочно.

– Вам ничего не сделают, – сказал я. – Это ведь не рана. Давно она у вас?

– Но я потерял бандаж.

– Вас направят в госпиталь.

– А я могу остаться с вами, лейтенант?

– Не можете. У меня же нет на вас никаких бумаг.

Тут вышел водитель с документами на наших раненых.

– Четверых в сто пятый. Двоих в сто тридцать второй, – сказал он. Оба госпиталя находились по ту сторону реки.

– Садитесь за руль, – сказал я и помог солдату с грыжей взобраться на сиденье.

– Вы говорите по-английски? – спросил он.

– Да.

– Как вам эта чертова война?

– Хреновая штука.

– Вот-вот. Хреновая штука, черт бы ее побрал.

– Вы бывали в Штатах?

– А то. В Питсбурге. Я сразу понял, что вы американец.

– Разве мой итальянский недостаточно хорош?

– Я сразу просек, что вы американец.

– Еще один американец, – сказал водитель по-итальянски, бросив взгляд на солдата с грыжей.

– Послушайте, лейтенант. Вы непременно должны отвезти меня в часть?

– Да.

– Наш старший врач знает о моей грыже. Я выбросил дурацкий бандаж, чтобы стало совсем плохо, и тогда меня не пошлют на передовую.

– Ясно.

– Может, отвезете меня в другое место?

– Если бы мы были на передовой, я бы мог отвезти вас в ближайший медпункт. Но здесь вам нужно направление.

– Если я вернусь в часть, меня прооперируют и пошлют на передовую с концами.

Я задумался над его словами.

– Вы бы не хотели оказаться на передовой с концами? – спросил он.

– Нет.

– Черт, эта мерзкая война.

– Послушайте, – сказал я. – Вы могли бы неудачно упасть на обочине и набить шишку на голове, а я бы на обратном пути вас подобрал и отвез в госпиталь. Альдо, съезжайте.

Мы съехали на обочину. Я помог солдату выбраться из машины.

– Я буду здесь, лейтенант, – сказал он.

– До встречи, – ответил я.

Мы продолжили наш путь, обогнали полк, уже протопавший около мили, затем пересекли стремительно убегающую из-под свай моста реку, мутную от талого снега, и покатили по равнине, чтобы доставить раненых в разные госпитали. Обратно, уже порожняком, я гнал машину, чтобы подобрать солдата из Питсбурга. Сначала мы поравнялись все с тем же полком, совсем уже спекшимся и едва волочившим ноги, потом с отставшими одиночками. А потом мы увидели санитарную повозку, стоящую на обочине. Двое мужчин поднимали с земли солдата с грыжей. Все-таки они за ним вернулись. Завидев меня, он помотал головой. Он был без каски, лоб в крови, нос ободран, рана и волосы покрыты пылью.

– Вон какая шишка, лейтенант! – закричал он. – И ничего не сделаешь. Они вернулись за мной.

Когда я приехал на виллу, было пять часов пополудни, и я отправился на моечную для машин, чтобы принять душ. Затем писал отчет в своей комнате, сидя у открытого окна в брюках и нательном белье. Через два дня начнется наступление, и я со своими машинами отправлюсь к Плаве. Я давно не писал в Штаты и понимал, что уже пора, но дело было так запущено, что непонятно, о чем писать. Решительно не о чем. Я послал парочку военных открыток из Zona di Guerra[6 - Зона боевых действий (итал.).], последовательно вычеркнув все, кроме слов, что я в порядке. То, что требуется. В Америке они будут выглядеть отлично: странно и загадочно. Такой же странной и загадочной была наша зона боевых действий, хотя, думается, они велись неплохо и жестко в сравнении с другими войнами против австрийцев. Австрийская армия была создана, чтобы проигрывать Наполеону любого калибра. Можно было только мечтать о своем Наполеоне, но вместо него мы имели генерала Кадорну, толстого и преуспевающего, и Витторио Эммануэле, маленького человечка с длинной тонкой шеей и козлиной бородкой. На правом фланге орудовал герцог Аоста. Для выдающегося генерала он был, пожалуй, слишком хорош собой, но в нем чувствовалось мужское начало. Многие итальянцы были бы не прочь, если бы он стал королем. У него для этого были все данные. Он, будучи дядей короля, командовал 3-й армией. Я попал во 2-ю. В 3-й армии было несколько английских батарей. В Милане я познакомился с двумя артиллеристами оттуда, хорошими ребятами. Мы провели вместе отличный вечер. Физически крепкие, при этом робкие и застенчивые, а еще необыкновенно отзывчивые. Жаль, что я не попал к англичанам. Все было бы гораздо проще. Зато я мог бы запросто погибнуть. Не то что в санитарной службе. Впрочем, и в санитарной. Англичан, водителей «санитарок», периодически убивали. Но я знал, что меня не убьют. Во всяком

случае, на этой войне. Дело было не во мне. Война казалась мне не более опасной, чем в кино. Но я молил Бога, чтобы она закончилась. Может, этим летом. Может, австрийцы сломаются. Они ломались во всех войнах. А эта что, какая-то не такая? Все говорили, что французы слились. Я слышал от Ринальди, что французские войска устроили бучу и пошли на Париж. Я спросил, а дальше что, и получил ответ: «Что-что, их остановили». Я мечтал побывать в мирной Австрии. В Шварцвальде. В горах Гарц.

А кстати, где они находятся? Бои шли в Карпатах, но туда я не рвался. Хотя, может, там и неплохо. Я мог бы отправиться в Испанию, если бы не война. С заходом солнца становилось прохладнее. После ужина я наведаюсь к Кэтрин Баркли. Жаль, что она сейчас не здесь. Поехать бы с ней в Милан. Поужинать в «Кове», потом теплым вечером прогуляться по виа Манцони, свернуть на набережную канала и дойти до отеля. Возможно, она бы не отказалась. Возможно, я сойду за ее убитого мальчика, мы войдем через парадный вход, и швейцар в знак приветствия снимет фуражку, я остановлюсь у стойки портье и попрошу ключи, а она будет ждать у лифта, потом мы в него войдем, и он медленно поползет вверх, клацая на каждом этаже, пока не доберется до нашего, и тогда мальчик-лифтер откроет железную дверь и будет стоять снаружи, пока не выйдет она, а затем я, и мы пойдем по коридору, и я вставлю ключ в замок и открою дверь, и мы войдем, я сниму телефонную трубку и попрошу прислать в номер бутылку «Капри бьянка» в серебряном ведерке со льдом, и мы услышим, как в коридоре позвякивает лед, а потом посыльный постучит в номер, и я попрошу его оставить ведерко за дверью. А все потому, что из-за жары мы в чем мать родила, окно нараспашку, над крышами домов носятся ласточки, а если в ночи подойти к окну, то можно разглядеть крошечных летучих мышей, охотящихся над деревьями и домами, и мы пьем капри, и дверь на запоре, а в комнате так тепло, что достаточно одной простыни, и всю теплую миланскую ночь напролет мы занимаемся любовью. Вот как должно быть. А сейчас я быстро поем и пойду к Кэтрин Баркли.

В столовой все говорили наперебой, а я налегал на вино, так как не быть нам сегодня братьями, если я слегка не приложусь, и обсуждал с нашим священником архиепископа Айрленда, судя по всему, достойного человека, претерпевшего много несправедливостей, в чем я, как американец, был повинен, хотя ни о чем таком даже не подозревал, однако делал вид, что в курсе. Было бы невежливо не знать о них ничего, выслушав блестящее объяснение причин, которые в конечном счете выглядели недоразумением. По-моему, у архиепископа была замечательной фамилия[7 - Айрленд (Ireland) – Ирландия (англ.).], а родом он был из Миннесоты, из чего рождались чудесные

словосочетания: Ирландия миннесотская, Ирландия висконсинская, Ирландия мичиганская. Особый шарм ей добавляло то, что она звучала как Айленд[8 - Айленд (island) – остров (англ.).]. Нет, не в этом дело. За ней стояло нечто более существенное. Да, святой отец. Верно, святой отец. Возможно, святой отец. Нет, святой отец. Может, и так, святой отец. Вы знаете об этом больше меня, святой отец. Священник был человек хороший, но скучный. Офицеры нехорошие, но скучные. Король хороший, но скучный. Вино плохое, но не скучное. Оно снимает с зубов эмаль, которая остается на нёбе.

– Священника посадили в кутузку, – говорил Рокка, – после того как при нем нашли трехпроцентные облигации. Все происходило, естественно, во Франции. Здесь бы его не арестовали. Он отрицал свою причастность к пятипроцентным облигациям. Это было в Безье, на юге. Я как раз был там и, прочитав об этом в газете, отправился в тюрьму и попросил свидания со священником. Было совершенно очевидно, что он эти облигации украл.

– Ни единому слову не верю, – заявил Ринальди.

– Дело твое, – сказал Рокка. – Я это рассказываю святому отцу. История очень поучительная. Он как представитель церкви ее оценит.

Священник улыбнулся.

– Продолжайте, – сказал он. – Я слушаю.

– Конечно, происхождение не всех ценных бумаг, которые там были, удалось объяснить, но с трехпроцентным займом и еще какими-то местными облигациями, уже не помню какими, все было ясно. Короче, пришел я в тюрьму – внимание! – остановился перед его камерой и сказал, как если бы пришел на исповедь: «Благословите меня, святой отец, ибо вы согрешили».

Это вызвало общий хохот.

– А он что? – спросил священник.

Рокка вопрос проигнорировал и обратился ко мне:

– В чем соль, улавливаете?

Видимо, если ты все правильно понимал, анекдот от этого становился гораздо смешнее. Мне подлили вина, и я рассказал байку про английского рядового, которого засунули под душ. Потом майор рассказал байку про одиннадцать чехословаков и венгерского капрала. Выпив еще вина, я рассказал байку про жокея, который нашел однопенсовую монету. Майор вспомнил анекдот про герцогиню, страдавшую бессонницей. На этом месте священник ушел, а я рассказал анекдот про коммивояжера, приехавшего в Марсель в пять утра, когда дул мистраль. Я слышал, сказал майор, что вы умеете пить. Я стал это отрицать. Он настаивал на своем и поклялся Бахусом, что сейчас мы это проверим. Бабахусом, пробормотал я. Бахусом, твердо произнес он. Я должен на спор выпить с Басси Филиппе Винченца: он кружку – я кружку, он стакан – я стакан. Басси отказался, утверждая, что уже выпил в два раза больше меня. Я это назвал подлым враньем и призвал в свидетели Бахуса или как там его, что Филиппе Винченца Басси, а может, Басси Филиппе Винченца за весь вечер не взял в рот ни капли и вообще, для начала пусть разберется, как его звать. Он спросил, а я кто – Федерико Энрико или Энрико Федерико? Пусть победит сильнейший, сказал я, без всякого Бахуса, и майор для начала наполнил красным вином наши кружки. Я остановился на полдороге, внезапно вспомнив, куда я иду.

– Басси победил, – сказал я. – Вот кто настоящий мужчина. Мне надо идти.

– Ему правда надо, – подтвердил Ринальди. – У него свидание. Я все про это знаю.

– Мне надо идти.

– В другой раз, – сказал Басси. – В другой раз, когда вы будете в лучшей форме.

Он похлопал меня по плечу. На столе горели свечи. Все офицеры были в отличном расположении духа.

– Доброй ночи, господа, – попрощался я.

Ринальди вышел вместе со мной. Мы остановились на пятачке перед домом, и он сказал:

– Тебе не стоит идти туда пьяным.

– Я не пьян, Ринин. Честно.

– Тебе надо пожевать кофейные зерна.

– Глупости.

– Я тебе принесу, малыш. Погуляй пока. – Он вернулся с пригоршней жареных кофейных зерен. – На вот, пожуй, и да пребудет с тобой Бог.

– Бахус, – поправил я его.

– Я тебя провожу.

– Я в полном порядке.

Мы шли по городу, и я жевал зерна. У ворот, откуда дорожка вела к британской вилле, Ринальди пожелал мне спокойной ночи.

– Спокойной ночи, – ответил я. – Почему бы и тебе не пойти?

Он помотал головой со словами:

– Нет. Мне бы чего-нибудь попроще.

– Спасибо тебе за кофейные зерна.

– Не за что, малыш.

Я пошел по дорожке мимо четких очертаний кипарисов. Обернувшись, я увидел Ринальди, глядящего мне вслед, и помахал ему рукой.

Я сидел в приемной и ждал, когда ко мне спустится Кэтрин Баркли. Услышав шаги в коридоре, я встал, но то была не Кэтрин. Это была мисс Фергюсон.

– Привет, – сказала она. – Кэтрин попросила меня передать, что не сможет встретиться с вами сегодня.

– Мне очень жаль. Надеюсь, она не заболела.

– Она не очень хорошо себя чувствует.

– Вы ей передадите, что мне очень жаль?

– Передам.

– Может, мне завтра к ней зайти? Как вы думаете?

– Зайдите.

– Большое вам спасибо, – сказал я. – Спокойной ночи.

Я вышел и вдруг почувствовал себя одиноким и опустошенным. Я очень легкомысленно отнесся к встрече с Кэтрин, выпил лишку и чуть не забыл, куда иду, но, не увидев ее, ощутил одиночество и пустоту.

Глава восьмая

На следующий день прошел слух, что готовится ночная атака в верховье реки и что мы должны пригнать туда четыре машины. Никто ничего толком не знал, но во всех разговорах чувствовались абсолютная уверенность и стратегические познания. Я ехал в головной машине, и, когда мы поравнялись с британским госпиталем, велел водителю остановиться. Остальные машины тоже тормознули. Я вышел и сказал, чтобы они ехали дальше, а если мы их не нагоним, то пусть ждут нас на повороте к Кормону. После чего быстро прошел в дом и спросил в приемной мисс Баркли.

– Она на дежурстве.

– Можно ее увидеть на одну минутку?

Послали санитара, и он вернулся вместе с ней.

– Я зашел узнать, как ты себя чувствуешь. Мне сказали, что ты на дежурстве, и я спросил, можно ли тебя увидеть.

– Я в порядке, – сказала она. – Думаю, это жара меня вчера подкосила.

– Мне надо ехать.

– Я на минутку выйду, – предупредила она.

– Ты правда в порядке? – спросил я, когда мы вышли.

– Да, милый. Ты к вечеру вернешься?

– Нет. Нам предстоит развлечение на Плаве.

– Развлечение?

– Я думаю, ничего серьезного.

– И когда ты вернешься?

– Завтра.

Она что-то расстегнула на шее и сунула мне в руку.

– Это святой Антоний, – сказала она. – Приходи завтра вечером.

– Ты католичка?

– Нет, но, говорят, святой Антоний охраняет.

– Теперь придется мне о нем позаботиться. Прощай.

– Нет, – возразила она, – не прощай.

– Как скажешь.

– Веди себя хорошо и будь осторожен. Нет, здесь меня нельзя целовать. Нельзя.

– Как скажешь.

Оглянувшись, я увидел, что она стоит на ступеньках. Она мне помахала, а я послал ей воздушный поцелуй. Она снова помахала, а потом я вышел за ворота, сел в машину, и мы отъехали. Святой Антоний лежал в серебряном медальоне, который я открыл, и вытряхнул его на ладонь.

– Святой Антоний? – поинтересовался водитель.

– Да.

– У меня тоже. – Правой рукой, ранее лежавшей на руле, он расстегнул пуговицу на кителе и вытащил из-под рубашки такого же. – Видите?

Я спрятал святого Антония в медальон, собрал в горсти тонкую золотую цепочку и все вместе положил в нагрудный карман.

– Не наденете?

– Нет.

– Лучше надеть. Для того он и нужен.

– Ладно. – Я расстегнул застежку на золотой цепочке, повесил ее на шею и снова застегнул. Святой повис на виду. Я расстегнул китель и воротник рубашки и убрал его внутрь. Я чувствовал на груди холодок медальона, но потом забыл про него. После моего ранения святой Антоний исчез. Вероятно, его кто-то снял на одном из перевязочных пунктов.

После моста мы поехали быстрее и вскоре увидели поднятые колесами столбы пыли. Когда дорога повернула, впереди показались три автомобиля, с виду такие маленькие, зато пыль от них поднималась к вершинам деревьев. Мы их нагнали, обошли и свернули на дорогу, поднимавшуюся в гору. Ехать в колонне совсем не плохо, когда ты находишься в головной машине, и я откинулся на спинку сиденья и стал разглядывать пейзажи за окном. Мы проехали предгорье, дорога пошла вверх, и на севере открылись вершины, покрытые снегом. Я оглянулся назад: еще три машины карабкались следом за нами, отделенные столбами пыли. Мы обогнали длинный караван груженых мулов, рядом с которыми шли погонщики в красных фесках. Берсальеры[9 - Берсальеры (от bersaglio – «мишень») – стрелки в итальянской армии, элитные пехотные части.].

Дальше дорога была свободной, мы поднимались среди холмов, а затем по длинному склону спустились в речную долину. Здесь росли деревья по обе стороны дороги, и справа, в просветах между ними, я увидел реку – быструю и чистую. Здесь и там на мелководье проглядывали полосы песка и голышей среди узких протоков, а потом вода вновь, посверкивая, покрывала галечное русло. Возле берегов образовались глубокие озерца с водой цвета небесной сини. От главной дороги по узкоколейкам можно было свернуть к переброшенным через реку каменным аркам. Мимо проносились основательные дома с канделябрами грушевых деревьев на фоне южной стены и низкими каменными оградами, за которыми начинались поля. Дорога еще долго тянулась через долину, пока мы не свернули и снова не полезли вверх. Подъем был крутой, дорога петляла среди каштанов и, наконец, уже на горном хребте, выровнялась. Глядя поверх крон, я увидел далеко внизу освещенную солнцем речную извилину, разделившую две армии. Мы ехали по новой щербатой военной дороге, проложенной вдоль гребня горного хребта, и на севере моим глазам открылись две горные цепи, темно-зеленые внизу и красивые, белоснежные под лучами солнца наверху. Позже, когда дорога ушла еще выше, я увидел третью, еще более высокую и снежную горную цепь, казавшуюся меловой и ребристой, с удивительными плоскостями, а за ними, совсем далеко, открылись еще горы, но я бы не поручился, что вижу их на самом деле. Это уже были австрийские горы, каких на нашей стороне не было. Впереди показался разворот, и, глянув вниз, я увидел, как дорога через лес уходит под уклон. Там были войска, и армейские грузовики, и мулы, тащившие пушки на колесах; мы спускались, держась ближе к обочине, и я мог разглядеть далеко внизу реку, а вдоль нее железную дорогу, и старый мост, по которому проходила «железка», а за рекой, у подножия горы, разбитые дома городка, который нам предстояло взять.

К тому времени, когда мы спустились вниз и свернули на главную дорогу вдоль реки, уже начинало смеркаться.

Глава девятая

Забитая дорога с двух сторон и сверху была замаскирована щитами из кукурузных стеблей и циновками из соломы, так что казалось, будто входишь в цирк или в деревню туземцев. Мы медленно проехали по этому соломенному тоннелю и выбрались на голую, расчищенную площадку, где когда-то находилась железнодорожная станция. Дальше дорога была прорыта ниже уровня реки, и на всем ее протяжении зияли катакомбы, в которых пряталась пехота. Солнце садилось, и из-под насыпи я увидел над холмами, по ту сторону реки, австрийские аэростаты для наблюдения – темные силуэты на фоне заката. Мы припарковались возле бывшего кирпичного завода. Печи для обжига и какие-то ниши превратились в перевязочные пункты. Трех врачей я знал. Майор мне объяснил, что, когда все начнется, наши «санитарки» с ранеными проедут обратно по замаскированному тоннелю, по главной дороге поднимутся на горный хребет и там, на медицинском посту, всех перегрузят на другие машины. Он надеялся, что обойдется без заторов. Путь-то один. А маскировка нужна, поскольку дорога просматривается австрийцами с того берега. Здесь же, на кирпичном заводе, от ружейного и пулеметного обстрела нас защищает насыпь. Один мост был разрушен, и после артобстрела планировалось навести понтонный мост, а пока войска перейдут речку вброд там, где она делает изгиб. Майор был коротышкой с загнутыми вверх усами. Он воевал в Ливии и имел две нашивки за ранения. Если все пройдет успешно, сказал майор, то он представит меня к награде. Надеюсь, что все пройдет успешно, ответил я, только вы ко мне слишком добры. Я поинтересовался, есть ли большой блиндаж, где могли бы укрыться мои водители, и он велел солдату меня проводить. Мы пошли вдвоем, и я убедился, что блиндаж просто отличный. Водителям он понравился, и я их там оставил. Майор предложил мне выпить с ним и еще двумя офицерами. Мы очень задушевно выпили рому. Тем временем наступили сумерки. Я спросил, когда начнется атака, и получил ответ: когда совсем стемнеет. Я вернулся к водителям. Они сидели в блиндаже и разговаривали, а когда я подошел, замолчали. Я дал каждому по пачке плохо набитых македонских сигарет, из них высыпался табак, так что прежде чем закурить, надо было закрутить кончик. Маньера щелкнул зажигалкой и пустил ее по кругу. Зажигалка изображала радиатор «фиата». Я рассказал им то, что узнал сам.

– Почему мы не видели медицинский пост, когда ехали сюда? – спросил Пассини.

– Мы свернули, немного до него не доехав.

– Из этой дороги сделают кровавое месиво, – сказал Маньера.

– Они выпустят из нас кишки, туды их растуды.

– Да уж.

– А как насчет того, чтобы пожрать, лейтенант? Когда все начнется, будет не до того.

– Пойду узнаю, – сказал я.

– Нам сидеть здесь или можно прогуляться?

– Лучше сидите здесь.

Я снова пошел в блиндаж майора и выяснил, что полевая кухня скоро подъедет и водители смогут получить свой суп. Им дадут столовые миски, если у них нет. Кажется, сказал я, у них есть. Я вернулся и сообщил, что как только подвезут еду, я за ними приду. Хорошо бы ее подвезли до начала артобстрела, сказал Маньера. Водители молчали, пока я не ушел. Все они были механиками и ненавидели войну.

Я пошел проверить машины и вообще что происходит, а вернувшись, уселся в блиндаже вместе с четырьмя водителями. Мы сидели на земле, привалившись к стене, и курили. Почти совсем стемнело. Земля в блиндаже была теплая и сухая, я еще больше вытянулся и расслабился.

– Кто идет в атаку? – спросил Гавуцци.

– Берсальеры.

– Берсальеры, и всё?

– Вроде так.

– У нас маловато войск для настоящей атаки.

– Возможно, это отвлекающий маневр, а главный удар будет не отсюда.

– Солдаты об атаке знают?

– Не думаю.

– Конечно, не знают, – сказал Маньера. – Если бы знали, они бы не пошли.

– Пошли бы, – возразил Пассини. – Берсальеры дурачье.

– Они храбрые и дисциплинированные, – заметил я.

– Здоровяки, грудь навыкате, а все равно дурачье.

– Кто здоровяки, так это гренадеры, – сказал Маньера. Это была шутка, и все посмеялись.

– А вы, лейтенант, там были, когда наши не пошли в атаку и потом каждого десятого расстреляли?

– Нет.

– Это правда. Их потом выстроили в ряд и каждого десятого расстреляли. Карабинеры.

– Карабинеры, – процедил Пассини и сплюнул на пол. – Даже гренадеры под сто девяносто и те не пошли в атаку.

– Если бы никто не пошел в атаку, война бы закончилась, – сказал Маньера.

– Гренадеры – они такие. Трусоватые. Офицеры из благородных семей.

– Кое-кто из офицеров пошел в атаку.

– Сержант пристрелил двоих, которые отказались вылезать из окопа.

– Некоторые солдаты повылезали.

– Которые повылезали, тех не выстроили в ряд, когда каждый десятый был расстрелян.

– Карабинеры расстреляли моего земляка, – сказал Пассини. – Здоровяк, красавец, умница, настоящий гренадер. Вечно торчал в Риме. С девочками. С карабинерами. – Он рассмеялся. – Теперь перед его домом стоит часовой со штыком, и никому не позволено видеть его родителей и сестер, а его отец лишился гражданских прав и даже не может голосовать. Закон их больше не защищает. Кто угодно может отобрать их собственность.

– Если бы не страх за семью, никто бы не пошел в атаку.

– Не скажи. Альпийские стрелки пошли бы. И гвардейцы Витторио Эммануэле И одиночки-берсальеры.

– Берсальеры тоже бежали с поля боя. А теперь стараются об этом забыть.

– Лейтенант, не давайте нам распускать языки. Evviva l’esercito![10 - Да здравствует армия! (итал.)] – с издевочкой провозгласил Пассини.

– Языки – это ладно, – сказал я, – пока вы крутите баранку и прилично себя ведете…

– …и пока вас не слышат другие офицеры, – закончил за меня Маньера.

– Я считаю, что с войной надо покончить, – продолжил я. – Но она не закончится, если одна сторона перестанет сражаться. Если мы перестанем сражаться, будет только хуже.

– Хуже не будет, – почтительным тоном заметил Пассини. – Нет ничего хуже войны.

– Поражение хуже.

– Я так не считаю, – по-прежнему с почтением возразил Пассини. – Что такое поражение? Ты едешь домой.

– За тобой приходят. Забирают твой дом. Твоих сестер.

– Я в это не верю, – сказал Пассини. – С другими этот номер не пройдет. Пускай каждый защищает свой дом. Не выпускает сестер на улицу.

– Тебя повесят. Или снова сделают солдатом. Только уже не санитарной службы, а пехоты.

– Всех не перевешают.

– Внешний враг еще не делает из тебя солдата, – сказал Маньера. – При первой же стычке все побегут с поля боя.

– Как чехословаки.

– Попасть в плен – тебе это ни о чем не говорит, и поэтому ты в этом не находишь ничего плохого.

– Лейтенант, – обратился ко мне Пассини. – Раз уж вы даете нам распускать языки, послушайте. Нет ничего хуже войны. Не нам, в санитарной службе, судить о том, насколько это худо. Те, кто начинает понимать, даже не пытаются ее остановить, потому что у них сносит крышу. Кому-то вообще не понять. А кто-то боится своих офицеров. Вот на таких держится война.

– Я знаю, что это худо, но мы должны ее закончить.

– Она не заканчивается. У войны нет конца.

– Как же, есть.

Пассини покачал головой.

– Победами война не выигрывается. Ну, возьмем мы Сан-Габриеле? Ну, возьмем Карсо и Монфальконе и Триест? А дальше что? Вы сегодня видели горы там, вдали? По-вашему, их мы тоже захватим? Только если австрийцы сложат оружие. Почему бы это не сделать нам? Пока австрийцы дотопают до Италии, они выдохнутся и повернут обратно. У них своя родина. Но нет, вместо этого мы воюем.

– Да вы оратор.

– Мы думаем. Читаем. Мы не крестьяне, мы механики. Но даже крестьяне в войну не верят. Эту войну ненавидят все.

– Страной управляет узкий класс, а страна глупа, ничего не понимает и никогда не поймет. Вот почему идет эта война.

– К тому же они делают на этом деньги.

– Далеко не все, – сказал Пассини. – Они слишком глупы. Делают это просто так. По глупости.

– Нам пора заткнуться, – заметил Маньера. – Мы уже и так заговорили лейтенанта.

– Ему это нравится, – сказал Пассини. – Мы его обратим в свою веру.

– А пока заткнемся, – подвел итог Маньера.

– Еду еще не привезли, лейтенант?

– Схожу проверю, – сказал я.

Гордини встал и вышел вместе со мной.

– Вам ничего не нужно, лейтенант? Я чем-то могу помочь? – Он был самый молчаливый из четырех.

– Если хотите, пойдемте со мной, – предложил я, – а там посмотрим.

Было уже совсем темно, длинные лучи прожекторов обшаривали горные склоны. Большие прожектора перевозили на грузовиках, и если ты ехал ночью, то мог увидеть такой грузовик в стороне от дороги, позади передовой линии, и офицера, руководящего действиями перепуганных подчиненных. Мы пересекли двор и остановились возле главного перевязочного пункта. Козырек над входом был замаскирован зелеными ветками, и в ночи ветерок шевелил высушенные солнцем листья. Внутри горел свет. У телефона на ящике сидел майор. Один из капитанов медслужбы сказал, что начало атаки отложили на час. Он предложил мне коньяк. Я окинул взглядом сколоченные из досок столы, посверкивающие инструменты, кюветы, закупоренные склянки. Гордини стоял у меня за спиной. Майор оторвался от телефона и встал.

– Начинаем, – сказал он. – Вернули прежнее время.

Я выглянул в окно – в темноте австрийские прожектора прочесывали горы позади нас. Еще какое-то мгновение продлилась тишина, а затем за нашими спинами враз ударили все орудия.

– Савойя, – сказал майор.

– Я насчет супа, майор, – напомнил я, но он меня не услышал. Пришлось повторить.

– Еще не подвезли.

Пролетел большой снаряд и разорвался на заводском дворе. Потом еще один, и сквозь грохот можно было расслышать, как осыпаются осколки кирпича и штукатурки.

– А что есть?

– Есть немного пасты asciutta[11 - Паста asciutta – блюдо из макарон, обычно с соусом и тертым сыром.], – сказал майор.

– Я возьму, что дадите.

Майор переговорил с санитаром, тот вышел и вскоре вернулся с железной миской, в которой лежали сваренные холодные макароны. Я передал миску Гордини.

– А сыр есть?

Майор что-то недовольно пробурчал санитару, и тот, снова нырнув в какой-то закуток, вынес оттуда четверть круга белого сыра.

– Большое спасибо, – поблагодарил я.

– Вам лучше обождать.

Перед входом поставили на землю что-то тяжелое. Один из тех, кто это принес, заглянул внутрь.

– Вносите, – приказал майор. – Чего вы ждете? Чтобы мы сами за ним сходили?

Санитары подняли раненого за руки, за ноги и внесли в перевязочную.

– Разрежьте гимнастерку, – приказал майор.

В руке у него был пинцет с куском марли. Два капитана-медика сняли шинели.

– А вам здесь делать нечего, – обратился майор к санитарам.

– Пошли, – сказал я Гордини.

– Лучше подождать, пока не прекратится артобстрел, – бросил мне майор через плечо.

– Они голодные, – сказал я.

– Дело ваше.

Мы побежали через двор. Неподалеку, возле реки, рванул снаряд. А следующий застал нас врасплох, мы уже услышали взрыв, и оба упали ничком на землю. Вспышка, запах гари, свист летящих осколков, грохот обваливающейся кладки. Гордини вскочил и побежал в блиндаж. И я за ним, с куском сыра, покрывшимся слоем кирпичной пыли. В блиндаже трое водителей курили, сидя у стены.

– Держите, патриоты, – сказал я.

– Как там машины? – спросил Маньера.

– В порядке.

– Испугались, лейтенант?

– Да уж, было дело.

Я раскрыл складной нож, протер лезвие и счистил с сыра всю грязь. Гавуцци протянул мне миску с макаронами.

– Начинайте, лейтенант.

– Нет, – сказал я. – Поставьте на пол. Все будем есть.

– У нас нет вилок.

– Черт с ними, – сказал я по-английски.

Я порезал сыр на куски и бросил их сверху на макароны.

– Подсаживайтесь, – сказал я. Они придвинулись и молча ждали. Я запустил в макароны пятерню и вытащил горсть. Клейкая масса повисла в воздухе.

– Поднимите повыше, лейтенант.

Я поднял горсть на вытянутой руке, и макаронины отделились одна от другой. Я запустил их в рот, втянул в себя, потом обкусил и стал жевать, а вдогонку добавил кусок сыра и запил вином. На языке остался привкус ржавого металла. Я передал флягу Пассини.

– Проржавела, – сказал он. – Слишком долго пролежала в машине.

Сгрудившись вокруг миски, все ели, запрокидывая головы и всасывая макаронины. Я отправил в рот еще одну горсть и сыр и запил вином. Снаружи тряхануло.

– Четыреста двадцатый калибр или миномет, – предположил Гавуцци.

– В горах таких нет, – сказал я.

– У них есть большие шкодовские минометы. Сам видел воронки.

– Это триста пятые.

Трапеза продолжилась. Послышался звук, похожий на кашель трогающегося локомотива, и снова сотряслась земля.

– Мелковат блиндаж, – сказал Пассини.

– Это большой миномет.

– Точно.

Я съел сыр и глотнул вина. Сквозь общий шум донесся кашель, потом ча-ча-ча-ча, потом яркая вспышка, как будто распахнулась дверь доменной печи, оттуда вырвался рев и стал набирать обороты, от белого до раскаленно-красного, и обрушилась воздушная масса. Я попытался дышать, но не мог вдохнуть и почувствовал, что стремительно покидаю собственное тело, отлетая все дальше, и дальше, и дальше, подхваченный ветром. Я быстро покинул его и понял, что я умер, и было бы ошибкой думать, будто смерть мгновенна. Какое-то время я

парил, но вместо того чтобы отлететь совсем, вернулся обратно. Я задышал и пришел в себя. Земля вокруг была разворочена, и прямо передо мной торчал обломок деревянного бруса. В мое перевернутое сознание пробились вопли. Кажется, кто-то стенал. Я попробовал пошевелиться и не смог. По обе стороны реки стреляли пулеметы и винтовки. С громким шипом в небо взмывали осветительные снаряды и сигнальные ракеты, прочерчивая белые следы, рвались бомбы, это длилось какой-то миг, а затем рядом с собой я услышал: «Mamma mia! Oh, mamma mia!»[12 - Мамочка, ой, мамочка! (итал.)] Я подтянулся, поерзал, наконец, сумел освободить ноги и уж затем потрогал стонущего. Это был Пассини, и когда я к нему прикоснулся, он взвыл. В темноте, прорезаемой сполохами, я увидел, что обе ноги у него раздроблены выше колен. Одну оторвало вовсе, а другая висит на сухожилиях, и обрубок вместе с куском брючины дергается как бы отдельно от тела. Он закусил руку и простонал: «Mamma mia! Oh, mamma mia!», а потом забормотал: «Dio te salve, Maria[13 - Спаси тебя Господь, Мария (итал.).]. Dio te salve, Maria. Пошли мне смерть, Господи. Пошли мне смерть, Пречистая Дева Мария. Хватит, хватит, хватит. Господи, Всемилостивая Дева Мария, прекрати мои мучения. О-о-о-о-о!» И снова взахлеб: «Mamma mia! Oh, mamma mia!» Потом он умолк и только закусывал руку, а обрубок ноги все дергался.

– Portaferiti![14 - Носилки! (итал.)] – закричал я, сложив ладони рупором. – Portaferiti!

Я предпринял попытку подобраться к Пассини поближе, чтобы наложить жгуты на его культи, но у меня ничего не вышло. Я снова попробовал, и на этот раз мои ноги мне отчасти подчинились. Я сумел подтянуться на локтях. Пассини затих. Я сел рядом, расстегнул китель и рванул полу рубашки. Не получилось, тогда я вцепился в нее зубами. И тут я вспомнил про обмотки. Сам-то я был в шерстяных чулках, а вот Пассини носил обмотки. Как и все водители. Я стал разматывать обмотки на его единственной ноге, но уже в процессе понял, что никакой жгут ему не поможет, потому что он уже был мертв. На всякий случай я проверил. Оставалось найти остальных. Я сел прямо, и тут же в голове у меня что-то поехало, и две тяжелые монеты, словно на глазах покойника, только изнутри, стали выдавливать глазные яблоки. Я вдруг почувствовал, что ноги у меня горячие и мокрые, и такие же ступни в ботинках. Я понял, что ранен, и, нагнувшись, положил руку на колено. Колена не было на месте. Рука куда-то провалилась, а коленная чашечка обнаружилась ниже, на голени. Я вытер руку о рубашку. При свете медленно падающей сигнальной ракеты я разглядел свою ногу, и мне стало страшно. О Боже, сказал я вслух, забери меня отсюда. Но при этом я помнил про тех троих. Всего было четыре водителя. Пассини умер.

Осталось трое. Кто-то подхватил меня под мышки, кто-то поднял мои ноги.

– Там еще трое, – сказал я. – И один умер.

– Это я, Маньера. Мы пошли за носилками, но так и не нашли. Как вы, лейтенант?

– А где Гордини и Гавуцци?

– Гордини в медпункте на перевязке. А Гавуцци держит вас за ноги. Обхватите меня за шею, лейтенант. Вас серьезно ранило?

– В ногу. Как там Гордини?

– Ничего страшного. В блиндаж попал большой минометный снаряд.

– Пассини умер.

– Да. Умер.

Неподалеку упал снаряд, и они оба, бросив меня, распластались на земле.

– Простите, лейтенант, – сказал Маньера. – Держитесь за мою шею.

– Если вы меня опять бросите…

– Мы испугались.

– Вы-то не ранены?

– У нас легкие ранения.

– Гордини может вести машину?

– Боюсь, что нет.

Пока мы шли к медпункту, они еще раз меня бросили.

– Сукины дети, – вырвалось у меня.

– Простите, лейтенант, – сказал Маньера. – Больше это не повторится.

В эту ночь возле медпункта на земле лежал не я один. Раненых вносили и выносили. Когда в перевязочной откидывали полог, оттуда пробивался свет. Покойников складывали отдельно. Врачи работали засучив рукава, забрызганные кровью, как мясники. Носилок не хватало. Кто-то стонал, но большинство лежало тихо. Ветер ерошил листву над входом. Похолодало. Санитары все время кого-то подносили и, разгрузив носилки, уходили за следующим. Когда меня подтащили к медпункту, Маньера сразу привел фельдшера, и тот забинтовал мне обе ноги. В рану набилось столько грязи, сказал он, что это быстро остановило кровотечение. Пообещав, что меня скоро примут, он ушел внутрь. Гордини не сможет вести машину, объяснил Маньера, поскольку у него раздроблено плечо и задета голова. Чувствует он себя сносно, но плечо одеревенело. Он сидит, привалившись к стене. Маньера и Гавуцци увезли раненых. У них проблем с вождением не было. Приехали англичане на трех «санитарках», в каждой по два водителя. Одного из них привел ко мне Гордини, выглядевший страшно бледным и больным. Англичанин склонился надо мной.

– Тяжелое ранение? – спросил он. Он был высокого роста, очки в металлической оправе.

– В ноги.

– Надеюсь, не серьезное. Как насчет сигареты?

– Спасибо.

– Я слышал, вы потеряли двух водителей.

– Да. Одного убили, а второй привел вас ко мне.

– Хреново. Хотите, чтобы мы взяли ваши машины?

– Я как раз собирался вам предложить.

– Мы вернем их в целости и сохранности. Пригоним прямо к вашей вилле. Номер двести шесть, правильно?

– Точно.

– Чудесная вилла. Я вас там видел. Говорят, вы американец.

– Да.

– А я англичанин.

– Да ну!

– Да. А вы меня приняли за итальянца? В одном из наших отрядов есть итальянцы.

– Можете смело брать машины, – сказал я.

– Мы вернем их в целости и сохранности. – Он распрямился. – Ваш приятель так настаивал, чтобы я к вам пришел. – Он потрепал Гордини по плечу. Тот вздрогнул, а затем улыбнулся. Англичанин перешел на бойкий итальянский. – Все в порядке. Я договорился с твоим лейтенантом. Мы берем у вас две машины. Можешь не беспокоиться. – Он снова обратился ко мне: – Хорошо бы вытащить вас отсюда. Я поговорю с медицинским начальством. Мы вас заберем.

Осторожно ступая между ранеными, он вошел в медпункт. Я видел, как откинули одеяло, мелькнула полоска света, и он скрылся в перевязочной.

– Вы в надежных руках, лейтенант, – заметил Гордини.

– Вы-то как, Франко?

– Я в порядке.

Он сел рядом. Через минуту из перевязочной вышли двое санитаров с носилками, а за ними высокий англичанин. Он подвел их ко мне.

– Вот американский лейтенант, – сказал он по-итальянски.

– Я могу спокойно подождать, – возразил я. – Здесь есть тяжелораненые. Я еще ничего.

– Ладно, ладно. Не изображайте из себя героя, – обратился он ко мне, а затем к ним на итальянском: – Поосторожнее, когда будете поднимать за ноги. У него очень болезненное ранение. Это законный сын президента Вильсона.

Они подняли меня на носилках и понесли в перевязочную. Там на всех столах оперировали. Коротышка майор бросил на нас свирепый взгляд. Но, узнав меня, помахал хирургическими щипцами.

– ?a va bien?

– ?a va[15 - «Вы в порядке?» – «В порядке» (фр.).].

– Мой подопечный, – сказал высокий англичанин по-итальянски. – Единственный сын американского посла. Пусть здесь полежит, пока вы не освободитесь. А я потом его увезу первым же рейсом. – Англичанин склонился надо мной. – Я поищу их адъютанта, чтобы он оформил ваши бумаги, тогда все пойдет гораздо быстрее. – Он пригнулся под притолокой и вышел.

Майор бросил щипцы в лоток. Я следил за его руками. Он наложил повязку, и санитары сняли пациента со стола.

– Я займусь американским лейтенантом, – сказал один из капитанов медслужбы. Меня перенесли на стол, жесткий и скользкий. Здесь стояли сильные запахи химикатов и сладковатый запах крови. С меня стащили брюки, и врач, приступив к осмотру, диктовал ассистенту:

– Множественные поверхностные ранения левого и правого бедра, левого и правого колена и правой ступни. Проникающие ранения правого колена и ступни. Рваная рана на голове (он ее прозондировал: «Больно?» – «Ай, еще бы!»)

с возможной трещиной черепной кости. Получены при исполнении служебных обязанностей. Это чтобы избежать военно-полевого суда в связи с нанесенными самому себе увечьями. – Последние слова уже адресовались мне. – Глоток коньяку? Как это вас угораздило? Пытались покончить с собой? Дайте-ка мне противостолбнячную и пометьте в медицинской карте обе ноги крестиком. Благодарю. Сейчас я тут немного почищу, потом промоем и наложим бинты. Кровь у вас свертывается отлично.

Ассистент оторвался от бумаг:

– Чем вызваны ранения?

Капитан мне:

– Чем это вас?

Я, не открывая глаз:

– Минометный снаряд.

Капитан, рассекая кожные ткани и тем причиняя мне острую боль:

– Вы уверены?

Я, пытаясь лежать спокойно и чувствуя, как внутри с каждым разрезом у меня все дрожит:

– Так мне кажется.

Капитан (заинтересовавшись увиденным):

– Осколки неприятельского траншейного минометного снаряда. Я могу, конечно, пройтись зондом, если хотите, но в этом нет необходимости. Сейчас я здесь помажу… что, горит? Это еще цветочки. Настоящую боль вы пока не почувствовали. Дайте ему глоток коньяка. Первый шок заглушает боль. Все у вас нормально. Если не попала инфекция, а сейчас это маловероятно, то волноваться не о чем. Как голова?

– Черт.

– Тогда вам лучше много не пить. К трещине нам только не хватало воспаления. А как здесь?

Меня прошиб пот.

– Черт!

– Видимо, все-таки трещина. Я забинтую, а вы старайтесь не вертеть головой. – Его руки так и мелькали, и повязка вышла тугой и надежной.

– Вот и все. Удачи вам и Vive la France[16 - Да здравствует Франция (фр.).].

– Он американец, – заметил второй капитан.

– Вы, кажется, сказали, что он француз. И говорит по-французски, – напомнил первый. – Мы с ним уже сталкивались, и я всегда думал, что он француз. – Он выпил полстопки коньяка. – А теперь что-нибудь серьезное. И захватите побольше противостолбнячной. – Капитан помахал мне на прощание.

Санитары погрузили меня на носилки. Когда мы выходили, по моему лицу прошелся край свисающего одеяла. Я лежал во дворе, и рядом со мной опустился на колени фельдшер.

– Фамилия? – тихо спросил он. – Имя? Звание? Место рождения? Специализация? Корпус? – И так далее. – Голова задета, сочувствую, лейтенант. Желаю скорейшего выздоровления. Я вас отправлю с английской санитарной машиной.

– Я в порядке, – заверил я его. – Большое спасибо.

Боль, о которой предупреждал майор, уже дала о себе знать, и я утратил интерес к окружающему, потерял с ним связь. Через какое-то время подъехала английская «санитарка», и меня положили на носилки, которые потом приподняли до нужного уровня и загнали в кузов. Рядом оказались носилки с мужчиной, чей восковой нос торчал из-под бинтов. Он тяжело дышал. Там были

еще носилки, вставленные в пазы над нашими головами. Высокий водитель-англичанин заглянул внутрь.

– Мы поедем очень аккуратно, – сказал он. – Надеюсь, вам будет комфортно.

Я слышал, как он забрался на переднее сиденье, как завел двигатель, как снял с ручного тормоза, и мы поехали. Я лежал неподвижно, а боль делала свое дело.

Дорога пошла в гору, и мы поехали медленнее по забитой дороге, то и дело останавливались, иногда подавали назад перед поворотом и наконец набрали хороший ход. Сверху на меня закапало. Сначала потихоньку, с регулярными паузами, затем потекла струйка. Я крикнул шоферу. Он остановил машину и заглянул к нам через окошко в перегородке.

– Что там у вас?

– У человека надо мной кровотечение.

– До перевала уже рукой подать. Я все равно в одиночку не вытащу носилки.

Он снова завел мотор. Ручеек не убывал. В темноте я не мог определить, где сквозь брезент просачивается кровь. Я попробовал сдвинуться вбок, чтобы не лилось прямо на меня. Пропитавшаяся рубашка сделалась теплой и липкой. Я замерз, а нога ныла так, что меня подташнивало. В какой-то момент ручеек стал иссякать, потом снова закапало, и я услышал, как человек зашевелился на своем клеенчатом ложе, устраиваясь поудобнее.

– Как он там? – поинтересовался англичанин. – Мы почти наверху.

– Сдается мне, что он умер, – сказал я.

Капли падали уже очень редко, как это бывает, когда сосулька тает после захода солнца. Машина все карабкалась вверх, выстуженная в ночи. Когда мы добрались до поста, санитары вытащили верхние носилки, вставили другие, и мы поехали дальше.

Глава десятая

В палате полевого госпиталя меня предупредили о дневном визите. Утро было жаркое, и нас одолевали мухи. Вестовой нарезал полоски бумаги и привязал их к концу палки – получилась этакая метелка, чтобы отгонять мух. Они устроились на потолке. Когда он перестал махать и уснул, мухи тут же спустились, и тогда я стал их гонять, но в какой-то момент закрыл лицо руками и тоже забылся сном. Проснулся я от дикой жары и зуда в ногах. Я разбудил вестового, и он полил бинты минеральной водой. Постель сделалась влажной и прохладной. Бодрствующие больные переговаривались через всю палату. Днем жизнь затихала. А по утрам к каждому по очереди подходили четверо, врач и трое санитаров, и уносили в перевязочную, чтобы перестелить постель, пока больному меняют бинты. Перевязка – удовольствие ниже среднего, а перестелить постельное белье можно и под больным, о чем я узнал позже. После того как вестовой полил бинты и я ощутил приятную прохладу, я попросил его почесать мне зудящие ступни, но тут врач привел в палату Ринальди. Он подлетел к кровати и, наклонившись, чмокнул меня. Я заметил, что он в перчатках.

– Как дела, малыш? Как ты себя чувствуешь? Это тебе… – Он показал бутылку коньяка. Вестовой принес стул, и он сел. – И хорошие новости. Тебя представили к награде. Medaglia d’argento[17 - Серебряная медаль (итал.).]. Но, может быть, выйдет только бронзовая.

– За что?

– Серьезные ранения. Если ты сумеешь доказать, что совершил подвиг, то получишь серебро. А иначе бронза. Расскажи мне в деталях, как все произошло. Ты совершил подвиг?

– Нет, – сказал я. – Когда рвануло, я ел сыр.

– Давай серьезно. Наверняка ты совершил какой-то подвиг, до или после. Хорошо подумай.

– Ничего такого я не совершал.

– Может, вытащил на себе кого-нибудь? Гордини утверждает, что ты вынес на себе несколько человек, а вот майор медицинской службы на первом посту говорит, что это невозможно. А он подписывает представление к награде.

– Никого я не вытаскивал. Я не мог пошевелиться.

– Это не важно, – отмахнулся Ринальди и снял перчатки. – Я думаю, мы можем рассчитывать на серебро. Разве ты не отказался от медицинской помощи, пока не обслужат других?

– Я не настаивал.

– Не важно. А твои ранения? А то, как ты рвался на передний край? К тому же операция была успешной.

– Так реку все-таки удалось форсировать?

– Еще как удалось. Почти тысяча пленных. Это было в сводке. Ты что, не видел?

– Нет.

– Я тебе принесу. Это был настоящий coup de main[18 - Удар, выпад; здесь: атака, застигшая неприятеля врасплох (фр.).].

– А как вообще?

– Отлично. Все наши на высоте. Мы тобой гордимся. Расскажи мне в точности, как все было. Я уверен, что ты получишь серебро. Давай, рассказывай. Все-все. – На секунду он задумался. – Может, ты еще и английскую медаль получишь. Я найду этого англичанина и попрошу, чтобы он тебя порекомендовал. Наверняка что-то сделает. Сильно мучаешься? Тебе надо выпить. Вестовой, принесите штопор. Ты бы видел, как я убрал три метра тонкой кишки – высший класс! Это для «Ланцета». Ты переведешь, и я им пошлю. Я расту с каждым днем. Малыш, как ты себя чувствуешь? Где этот чертов штопор? Ты такой смельчак и так мужественно держишься, что я забываю о твоих страданиях. – Он хлопнул перчатками о край кровати.

– Вот штопор, синьор лейтенант, – сказал вестовой.

– Откройте бутылку. Принесите стакан. Пей, малыш. Как твоя головушка? Я видел медицинское заключение. Нет у тебя никакой трещины. Этот майор с первого поста годится в мясники. У меня ты бы не почувствовал боли. У меня никто не чувствует боли. Я учусь, как надо делать. Каждый день учусь делать ровнее и лучше. Ты уж меня прости за мою болтовню, малыш. Тяжело видеть твои ранения. Ты пей. Хороший коньяк. Пятнадцать лир. Должен быть приличный. Пять звезд. Прямо от тебя я пойду к этому англичанину, и он тебе добудет английскую медаль.

– Их так просто не дают.

– Скромняга ты наш. Я к нему пошлю офицера связи. Он знает подход к англичанам.

– Ты видел мисс Баркли?

– Я приведу ее сюда. Прямо сейчас приведу.

– Не надо, – сказал я. – Расскажи мне о Гориции. Как там девочки?

– Какие девочки? Уже две недели ни одной новенькой. Я туда больше не хожу. Сплошное безобразие. Это не девочки, а старые боевые товарищи.

– Совсем не ходишь?

– Только узнать новости. Захожу на минутку. Все про тебя спрашивают. Это безобразие, они торчат так долго, что становятся твоими друзьями.

– Возможно, девочки больше не хотят ехать на фронт.

– Еще как хотят. У них полно желающих. Просто такое начальство. Их придерживают для тыловых крыс.

– Бедный Ринальди, – сказал я. – Один на войне, без новых девочек.

Ринальди налил себе еще коньяку.

– Малыш, выпей. Хуже не будет.

Я выпил и почувствовал, как тепло пошло вниз. Ринальди налил еще стакан. Он притих. Поднял стакан:

– За твои доблестные ранения! За серебряную медаль! Признайся, малыш, когда ты так часами поджариваешься, неужели не испытываешь возбуждения?

– Бывает.

– Не представляю, как можно столько лежать. Я бы умом тронулся.

– Ты и так тронулся.

– Скорее возвращайся. Не с кем возвращаться после ночных приключений. Не над кем потешаться. Не у кого взять в долг. Я потерял побратима и сожителя. И зачем тебе понадобились эти ранения?

– Ты можешь потешаться над священником.

– Священник! Я, что ли, над ним потешаюсь? Это капитан. А мне он нравится. Хочешь священника – будет тебе священник. Он собирается к тебе в гости. Целый день готовится.

– Я его люблю.

– Я давно подозревал. Иногда мне кажется, что вы оба немножко не по этой части. Ну, ты меня понимаешь.

– Ничего ты не подозревал.

– Нет, правда. Как некоторые в первом полку бригады Анкона.

– Иди ты к черту.

Он поднялся и натянул перчатки.

– Обожаю тебя дразнить, малыш. Ты можешь дружить со священником и англичанкой, но в душе такой же, как я.

– Вот уж нет.

– Да. Ты истинный итальянец. Весь горишь, дымишься – а внутри пусто. Ты только изображаешь из себя американца. Мы братья, и мы любим друг друга.

– Веди себя хорошо, пока я здесь.

– Я пришлю мисс Баркли. Тебе лучше с ней без меня. Ты чище и нежнее.

– Иди ты к черту.

– Я пришлю ее. Твою прекрасную холодную богиню. Английскую богиню. Господи, что может мужчина делать с такой женщиной? Только молиться на нее. Для чего еще годится англичанка?

– Ты богохульник и невежественный даго[19 - Даго – американское прозвище итальянцев и испанцев.].

– Кто я?

– Ты невежественный макаронник.

– Сам ты макаронник. Только холодный как лед.

– Невежественный, тупой. – Я заметил, что последнее слово его задело, и продолжил: – Необразованный. Незрелый. Отупевший от своей незрелости.

– Вот как? Тогда я тебе кое-что скажу про твоих порядочных девушек. Про твоих богинь. Есть лишь одно отличие между порядочной девушкой и женщиной, которую ты берешь. Девушке больно. – Он шлепнул перчатками по изголовью. – И еще неизвестно, понравится ли это девушке.

– Не сердись.

– Я не сержусь. Просто говорю это тебе, малыш, для твоей же пользы. Чтобы оградить тебя от неприятностей.

– Это единственное отличие?

– Да. Но миллионы дураков вроде тебя этого не знают.

– Как хорошо, что ты мне сказал.

– Не будем ссориться, малыш. Я ведь тебя люблю. Но не будь дураком.

– Нет. Я буду таким же мудрым, как ты.

– Не сердись, малыш. Смейся. Пей. А мне пора идти.

– Ты настоящий друг.

– Вот видишь. В душе мы все одинаковы. Братья по оружию. Поцелуемся на прощание.

– Ты слюнявый.

– Нет. Просто я более любящий.

Я почувствовал его дыхание.

– Пока. Скоро я к тебе еще наведаюсь. – Его дыхание отдалилось. – Не буду тебя целовать, если ты не хочешь. Я пришлю твою английскую девушку. Пока, малыш. Коньяк под кроватью. Выздоравливай поскорее.

Он ушел.

Глава одиннадцатая

Когда пришел священник, уже стемнело. Нам принесли суп, потом забрали пустые тарелки, и я лежал, поглядывая то на ряды коек, то в окно на дерево, макушку которого слегка раскачивал вечерний бриз. Он проникал в палату, и по вечерам становилось прохладнее. Мухи сидели на потолке и электрических лампочках, болтавшихся на проводах. Свет включали, только когда приводили гостя или надо было что-то сделать. Наступление темноты сразу после сумерек возвращало в детство, когда меня после раннего ужина укладывали в постель. Между коек прошел вестовой и остановился. Рядом с ним я различил еще один силуэт. Это был священник, маленький, смуглолицый и смущенный.

– Как вы себя чувствуете? – спросил он, ставя на пол какие-то пакеты.

– Все хорошо, святой отец.

Он присел на стул, ранее поставленный для Ринальди, и от смущения вперился в окно. Он казался ужасно уставшим.

– Я ненадолго, – сказал он. – Время позднее.

– Да нет. Как там наша столовая?

Он улыбнулся.

– Я по-прежнему главный объект для шуток. – Голос у него тоже был усталый. – Слава Богу, все живы-здоровы. Я так рад, что вы в порядке. Надеюсь, вы не очень страдаете.

Кажется, я никогда не видел его таким измученным.

– Уже нет.

– Мне вас не хватает в столовой.

– Хотел бы я быть там. Я всегда получал удовольствие от наших разговоров.

– Я вам принес разные мелочи. – Он взял в руки пакеты. – Москитная сетка. Бутылка вермута. Вы любите вермут? А это английские газеты.

– Можно вас попросить открыть пакеты?

Он с радостью выполнил мою просьбу. Я держал в руках москитную сетку. Вермут он мне показал и снова поставил бутылку на пол. Я поднял над собой одну газету. Повернув ее так, чтобы слабый свет из окна падал на страницу, я мог читать заголовки. Это оказалась «Ньюс оф уорлд».

– Остальные иллюстрированные, – сказал гость.

– С удовольствием почитаю. Где вы их раздобыли?

– Я посылал человека в Местре. Мне привезут еще.

– Здорово, что вы пришли, святой отец. Как насчет вермута?

– Спасибо. Держите при себе. Это для вас.

– Нет уж, выпейте стаканчик.

– Ну хорошо. Я вам тогда еще захвачу.

Вестовой принес стаканы. Открывая бутылку, он сломал пробку, и кончик пришлось протолкнуть внутрь. Видно было, что священник огорчился, но вслух сказал:

– Ничего. Не страшно.

– Ваше здоровье, святой отец.

– Чтобы вы скорее пошли на поправку.

Когда он выпил и держал перед собой пустой стакан, наши взгляды встретились. Мы с ним периодически беседовали и вообще были хорошими друзьями, но сегодня сразу как-то не заладилось.

– Что случилось, святой отец? У вас такой усталый вид.

– Я чувствую усталость, хотя для этого нет оснований.

– Это жара.

– Но ведь еще только весна. Я совсем расклеился.

– Вам обрыдла война.

– Нет. Скорее я ее ненавижу.

– Мне она тоже не нравится, – сказал я.

Он покачал головой и посмотрел в окно.

– Вы не против. Вы просто ее не видите. Простите меня. Вы были ранены.

– Чистая случайность.

– Даже будучи раненым, вы ее не видите. Хотя я ее тоже не вижу, но как-то ощущаю.

– Когда меня ранили, мы разговаривали о войне. Я и Пассини.

Священник поставил стакан. Он думал о чем-то.

– Я их понимаю, потому что я такой же, как они, – сказал он.

– Вы другой.

– По большому счету такой же.

– Офицеры вообще ничего не видят.

– Некоторые видят. Есть очень тонкие, и они переживают больше нас с вами.

– В основном они другие.

– Тут дело не в образовании и не в деньгах. Это что-то иное. Даже имей они образование и деньги, люди вроде Пассини не подались бы в офицеры. Я бы не подался.

– По рангу вас можно считать офицером. И я офицер.

– Так да не так. Вы даже не итальянец. Вы иностранный подданный. Но все-таки вы ближе к офицерам, чем к простым людям.

– А в чем разница?

– Не знаю, как объяснить. Есть люди, заточенные на войну. В этой стране таких много. А есть люди, не заточенные на войну.

– Но первые их в нее втягивают.

– Да.

– А я им в этом помогаю.

– Вы иностранец. Вы патриот.

– А те, которые не заточены на войну? Они могут ее остановить?

– Я не знаю на это ответа.

Он снова посмотрел в окно, а я наблюдал за выражением его лица.

– Им хоть однажды удалось ее остановить?

– Они недостаточно организованы, чтобы что-то остановить, а стоит им организоваться, как их лидеры продают их с потрохами.

– Значит, все безнадежно?

– Безнадежных ситуаций не бывает. Но иногда я теряю надежду. Я хочу надеяться, но у меня не всегда получается.

– Может, война закончится?

– Хотелось бы верить.

– И чем вы тогда займетесь?

– Вернусь в Абруцци, если это возможно.

Его смуглое лицо вдруг просветлело.

– Любите Абруцци?

– Да, очень люблю.

– Так поезжайте.

– Я был бы счастлив. Жить там, любить Бога, служить ему.

– И вызывать уважение, – добавил я.

– Да, и вызывать уважение. А что?

– Ничего. Вы его заслужили.

– Это не так важно. Главное, в моих краях все понимают, что человек может любить Бога. Из этого не делают похабный анекдот.

– Я понимаю.

Он с улыбкой на меня посмотрел.

– Вы понимаете, но вы не любите Бога.

– Нет.

– Совсем не любите? – спросил он.

– Иногда по ночам я Его боюсь.

– Попробуйте Его полюбить.

– Любовь – это не про меня.

– Почему же, про вас, – сказал он. – Если послушать рассказы о ваших ночных похождениях. Но это не любовь. Это всего лишь страсть и похоть. Когда кого-то любишь, хочется для него что-то сделать. Чем-то пожертвовать. Хочется ему служить.

– Я никого не люблю.

– Вы полюбите. Знаю, что полюбите. И будете счастливы.

– Я и так счастлив. И всегда был счастливым.

– Это другое. О счастье можно судить, только когда ты его обрел.

– Что ж, – сказал я. – Если я его когда-нибудь обрету, вы об этом первый узнаете.

– Я слишком долго сижу и слишком много говорю. – В его словах сквозила озабоченность.

– Нет, постойте. А любовь к женщинам? Если я полюблю женщину, это будет то же самое?

– Про это я ничего не знаю. Я никогда не любил женщину.

– А свою мать?

– Ее – да.

– Вы всегда любили Бога?

– Еще мальчиком.

– М-м-м. – Я не знал, что сказать. – Вы прекрасный мальчик.

– Мальчик, к которому вы обращаетесь «святой отец».

– Из вежливости.

Он улыбнулся.

– Мне правда надо идти. Я вам зачем-нибудь нужен? – с надеждой спросил он.

– Нет. Только поговорить.

– Я всем передам от вас приветы.

– Спасибо за прекрасные подарки.

– Не за что.

– Приходите еще.

– Да. До свидания. – Он погладил меня по руке.

– Чао, – сказал я по-простому.

– Чао, – ответил он.

В палате было темно, и вестовой, все это время сидевший у меня в изножье, поднялся и проводил гостя. Мне очень нравился священник, и хотелось надеяться, что когда-нибудь он вернется в Абруцци. В столовой его, конечно, третировали, а он все это терпел, сейчас же я больше думал о том, как сложится его жизнь в родном краю. Ниже Капракотты, как он мне рассказывал, в речке водилась форель. По ночам там запрещалось играть на флейте. Молодые люди пели серенады, но на флейте – ни-ни. Я спросил почему. Потому что звуки флейты плохо действуют на девичий сон. Крестьяне там величают тебя «дон» и при встрече снимают шляпу. Его отец каждый день охотится и заглядывает в крестьянские дома, чтобы перекусить. Для них это честь. А чтобы иностранцу получить разрешение на охоту, тот должен представить документ, что он никогда не подвергался аресту. В Гран-Сассо-д’Италиа водятся медведи, но это не ближний свет. Аквила красивый городок, там летними вечерами прохладно. Если же говорить о весне, то во всей Италии лучше, чем в Абруцци, не бывает. А еще хороша осень, когда можно охотиться в каштановых рощах на птиц. Они откормленные, поскольку поклевывают виноград. И не нужно брать с собой еду, так как местные крестьяне почитают за честь принять вас у себя. Я сам не заметил, как уснул.

Глава двенадцатая

Палата была длинная, с окнами по правую руку и дверью в дальнем конце, которая вела в перевязочную. Один ряд коек, включая мою, находился напротив окон, вдоль стены, а второй был под окнами. Лежа на левом боку, я видел дверь в перевязочную. Там была еще одна дверь, откуда иногда появлялись люди. Если кто-то начинал отходить, койку закрывали ширмой, чтобы больные не видели агонии, только из-под ширмы выглядывали ботинки и обмотки врачей и санитаров, да еще под конец оттуда доносился шепоток. Из-за ширмы появлялся священник, а затем туда входили санитары и выходили с покойником, накрытым одеялом, и несли его по проходу между коек, а кто-то складывал ширму и уносил.

В то утро майор, отвечавший за отделение, спросил меня, готов ли я к путешествию. Я ответил, да. Он сказал, что меня отправят завтра рано утром. Мне будет легче перенести дорогу, объяснил он, до наступления жары. Когда тебя несли в перевязочную, из окна можно было разглядеть свежие могилы в саду. На крылечке солдат ладил кресты и краской выводил на них имя, звание и полк очередного погребенного. Он выполнял разные поручения, а в свободное время смастерил для меня зажигалку из холостого патрона для австрийской винтовки. Врачи были очень приятные и, судя по всему, знающие. Они были озабочены тем, чтобы направить меня в Милан, где лучше рентгеновское оборудование и где после операции я смогу пройти курс лечебной физкультуры. Мне тоже хотелось в Милан. Больничное начальство стремилось услать нас подальше и освободить койки, которые понадобятся, когда начнется наступление.

Накануне отправки ко мне в полевой госпиталь пришел Ринальди и с ним майор из нашей столовой. От них я узнал, что меня везут в только что открытый американский госпиталь в Милане. Туда направят несколько наших бригад скорой помощи, и госпиталь возьмет их под свое крыло вместе со всеми американскими военнослужащими в Италии. В Красном Кресте таких было много. Штаты объявили войну Германии, но не Австрии.

Итальянцы не сомневались, что Америка и Австрии объявит войну, и страшно радовались появлению каждого американца, пусть даже из Красного Креста. Они спрашивали меня, когда же президент Вильсон объявит войну Австрии, и я отвечал, мол, не сегодня-завтра. Я не знал, что мы имеем против Австрии, но казалось логичным объявить ей войну, раз мы выступили против Германии. А войну Турции? Вот это сомнительно. Турция, вещал я, наша национальная птица[20 - Национальная птица – игра слов: имеется в виду индейка (turkey).]. В переводе шутка теряла смысл, и, видя их озадаченные и подозрительные взгляды, я сказал, да, Турции, вероятно, тоже объявим. А Болгарии? Мы уже выпили не по одному стакану коньяка, и я ответил, а то как же, и Болгарии, и Японии. Но ведь Япония, возражали мне, союзница Англии. Англичане такой народишко, отвечал я, что им верить нельзя. Японцы хотят отжать у нас Гавайи. А Гавайи – это где? Это в Тихом океане. А зачем они японцам? Да не нужны они им, отвечал я. Так, одни разговоры. Японцам, этому чудному маленькому народу, подавай танцы и легкие вина. Как и французам, подхватил майор. У французов мы заберем Ниццу и Савойю. А еще Корсику и все Адриатическое побережье, сказал Ринальди. Италия вернет себе величие Рима, заявил майор. Не люблю Рим, сказал я. Там жарко и полно блох. Ты не любишь Рим? Еще как люблю. Рим – это праматерь народов. Я всегда буду помнить Ромула, сосущего Тибр. Что?

Ничего. Все едем в Рим.

Поедем прямо сегодня и будем там жить. Рим прекрасный город, сказал майор. Праматерь народов, напомнил я. Рим мужского рода, поправил меня Ринальди. Он не может быть матерью. Ты еще скажи, что он не может быть отцом. А кто тогда отец? Святой Дух? Не богохульствуй. Я не богохульствую, это был уточняющий вопрос. Ты пьян, малыш. А кто меня напоил? Я вас напоил, признался майор. Я вас напоил, потому что люблю и потому что Америка влезла в эту войну. По самые гланды, сказал я. Малыш, утром ты уезжаешь, напомнил мне Ринальди. В Рим, кивнул я. Нет, в Милан. В Милан, подхватил майор: Хрустальный дворец, «Кова», «Кампари», Биффи, галерея Витторио Эммануэла. Счастливчик. За «Гран Италия», сказал я, где я одолжу денег у Джорджа. За «Ла Скала», провозгласил Ринальди. Ты будешь ходить в «Ла Скала». Каждый вечер, пообещал я. Каждый вечер не получится, заметил майор. Очень дорогие билеты. Я выпишу вексель на предъявителя, моего деда, сказал я. Что вы напишете? Вексель на предъявителя. Ему придется заплатить, или я отправлюсь в тюрьму. Мистер Каннингем в банке все оформит. Я буду жить за счет предъявительских чеков. Неужели дедушка допустит, чтобы его внука-патриота, отдающего свою жизнь за Италию, отправили за решетку? Да здравствует американский Гарибальди, сказал Ринальди. Да здравствуют предъявительские чеки, подхватил я. Давайте потише, сказал майор. Нас уже несколько раз просили, чтобы мы вели себя потише. Федерико, вы правда завтра утром уезжаете? Я же вам говорил, его отправляют в американскую лечебницу, напомнил Ринальди. К хорошеньким медсестричкам. Это вам не полевой госпиталь с бородатыми санитарами. Да, я помню, его отправляют в американскую лечебницу. Меня бороды не смущают, сказал я. Хочет человек отпустить бороду – на здоровье. Почему бы вам, майор, не отпустить бороду? Она не влезет в противогаз. Запросто. В противогаз чего только не влезает. Меня, например, тошнило в противогаз. Не так громко, малыш, предупредил меня Ринальди. Мы знаем, что ты был на фронте. Ох, малыш, что я тут буду делать без тебя? Нам пора отваливать, сказал майор. Хватит сентиментальничать. Слушай, у меня для тебя есть сюрприз. Твоя англичанка. Ну, медсестра, к которой ты каждый вечер наведывался в гости. Она тоже едет в Милан. Еще с одной, в этот же госпиталь. Пока там ждут сестричек из Америки. Сегодня я разговаривал с начальником нашей медицинской бригады. Здесь, на фронте, оказалось слишком много женщин, и некоторых теперь отсылают обратно. Как тебе это нравится, малыш? Хорошо. И это все? Ты едешь в большой город, где тебя будет ублажать твоя англичанка. Почему я не получил ранение? Может, еще получишь, сказал я. Нам пора, встрял майор. Мы выпиваем, шумим и не даем Федерико отдохнуть. Не уходите. Нет, нам пора. Будь здоров. Удачи. Всего-всего. Чао. Чао. Чао.

Возвращайся, малыш, поскорее. Ринальди меня чмокнул. Ты пахнешь крезоловым мылом. Пока, малыш. Пока. Всего-всего. Майор потрепал меня по плечу, и они вышли на цыпочках. Мне удалось уснуть, хотя я был сильно пьян.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Примечания

1

Младший лейтенант, лейтенант, капитан, майор, подполковник (итал.).

2

Еще нет (фр.).

3

Прощайте, лейтенант (итал.).

4

ЖДК – женский добровольческий корпус, обслуживающий действующую армию.

5

Эвакопункт (итал.).

6

Зона боевых действий (итал.).

7

Айрленд (Ireland) – Ирландия (англ.).

8

Айленд (island) – остров (англ.).

9

Берсальеры (от bersaglio – «мишень») – стрелки в итальянской армии, элитные пехотные части.

10

Да здравствует армия! (итал.)

11

Паста asciutta – блюдо из макарон, обычно с соусом и тертым сыром.

12

Мамочка, ой, мамочка! (итал.)

13

Спаси тебя Господь, Мария (итал.).

14

Носилки! (итал.)

15

«Вы в порядке?» – «В порядке» (фр.).

16

Да здравствует Франция (фр.).

17

Серебряная медаль (итал.).

18

Удар, выпад; здесь: атака, застигшая неприятеля врасплох (фр.).

19

Даго – американское прозвище итальянцев и испанцев.

20

Национальная птица – игра слов: имеется в виду индейка (turkey).

Купить: https://tellnovel.com/ru/heminguey_ernest/proschay-oruzhie

Текст предоставлен ООО «ИТ»
Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию: Купить